

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Belgorod State University
Belarusian State Pedagogical University named after Maksim Tank

CLASSICAL AND CONTEMPORARY LITERATURE: CONTINUITY AND PROSPECTS OF UPDATING

Materials of the international scientific conference
on November 7–8, 2016

Prague
2016

Classical and contemporary literature: continuity and prospects of updating : materials of the international scientific conference on November 7–8, 2016. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2016. – 52 p. – ISBN 978-80-7526-148-9

ORGANISING COMMITTEE:

Vasily V. Lipich, doctor of philological sciences, professor of Belgorod State University.

Nataliya V. Zayats, candidate of philological sciences, assistant professor of Belarusian State Pedagogical University named after Maksim Tank.

Iлона G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, the chief manager of the Science Publishing Center «Sociosphere».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines classical and contemporary literature. Some articles deal with perception, analysis and interpretation of artistic text. A number of articles are covered eternal values in art and literature. Some articles are devoted to Russian literature in the context of world culture. Authors are also interested in religious and philosophical issues and aesthetic search of Russian literature.

UDC 82

ISBN 978-80-7526-148-9

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2016.
© Group of authors, 2016.

CONTENTS

I. ARTISTIC TEXT: PERCEPTION, ANALYSIS AND INTERPRETATION

- Бойкарова Л. Р.**
Шекспировский эпитарий в идиостиле Бориса Тена 5
- Назметдинова И. С., Столярова С. С.**
Особенности организации текстового материала на занятиях
со студентами с ОВЗ (нарушениями опорно-двигательного аппарата) 8
- Навасельцава I. I.**
Канцэпты «дарога», «лѣс» у моўнай карціне свету Ніла Гілевіча 11
- Хитарова Т. А.**
Архетип Воды в поэтических произведениях
Роберта Льюиса Стивенсона..... 17
- Чевтаев А. А.**
Онтологический смысл грехопадения в стихотворении
Н. Гумилева «Потомки Каина» 20

II. ETERNAL VALUES IN ART AND LITERATURE

- Хапачева С. М., Аллахвердян Д. А.**
Формирование эстетического вкуса младших школьников
(на примере изучения творчества К. Г. Паустовского) 30

III. RUSSIAN LITERATURE IN THE CONTEXT OF WORLD CULTURE

- Бекметов Р. Ф.**
О жанровой неурегулированности русской литературной классики:
«взгляд с Востока» 37

IV. RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL ISSUES AND AESTHETIC SEARCH OF RUSSIAN LITERATURE

Перова Е. Ю.

Библеизмы в современной речи.....44

План международных конференций, проводимых вузами России,
Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана,
Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ» в 2016–2017 годах.....47

Информация о научных журналах 49

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské
centrum «Sociosféra-CZ»..... 50

Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» –
Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»..... 51

I. ARTISTIC TEXT: PERCEPTION, ANALYSIS AND INTERPRETATION

ШЕКСПИРОВСКИЙ ЭПИТАРИЙ В ИДИОСТИЛЕ БОРИСА ТЕНА

Л. Р. Бойкарова

Аспирант,
Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского, г. Симферополь,
Республика Крым, Россия

Summary. Shakespeare's epithets in Boris Ten's interpretation are analyzed in the article. The epithets in Boris Ten's idiosyncrasy are obtained new artistic impulse through widening semantic structure, also occasional attribute intensifies rhythmic and intonational tension of poetic drama.

Keywords: Shakespeare's epithets; Boris Ten; translation; idiosyncrasy.

Эпитеты являются одной из неотъемлемых признаков художественного произведения, их функция заключается в построении образной системы произведения, их выразительности и осуществлении определенного эмоционального воздействия на реципиента. Для них характерны оригинальность, редкое употребление и индивидуальное смысловое наполнение. Они образно и эмоционально раскрывают, детализируют отчетливо признак / признаки явления, предмета, события, ситуации, образ.

С. Быбык отмечает, что эпитеты – «залог точности, выразительности речи, ее образности, эмоциональности»; привлекают зрение сочными красками художественные определения, описывают, рисуют, оценивают, подчеркивают словесное изображение, <...> пробуждают мысль, помогают развивать языковое чутье, привлекают внимание к сочетанию слов различной семантики, к взаимодействию традиционного и новаторского в языкотворчестве» [1, с. 4–5]. А. Веселовский считал, что эпитетные структуры «нервными узлами», «нераскладными элементами поэтического языка, которые формируют мотивы – своеобразные корни поэзии» [2, с. 494].

Актуальность исследования вытекает из современных требований к художественному переводу, когда речь идет о передаче не только содержания и идей, мегаобразов оригинала, но и об оптимальном воспроизведении стилистических качеств произведения, каждого его микрообраза. Сопоставление отдельных элементов художественного текста исходного и целевого языка решает узкую, частичную проблему художественного перевода, но оно необходимо на современном этапе развития переводоведения, ведь принцип целостного восприятия художественного произведения

подчеркивает необходимость обращать внимание на отдельные его составные части.

Переводоведческому исследованию средств и методов воспроизведения лингвостилистических особенностей художественного текста посвящены труды Б. М. Ажнюка, Р. П. Зоривчак, О. В. Кунина, Н. И. Кушиной, Я. Й. Рецкера и др. Исследована значимость для переводческого анализа эпитета как фактора создания индивидуально-авторской образности, носителя этнокультурной информации и этноязыкового мировоззрения.

Цель исследования – проанализировать шекспировский эпитетарий в интерпретации Бориса Тена.

Ведущее место в микропоэтике занимают эпитеты, что составляют значительную часть поэтической речи В. Шекспира и играют заметную роль в художественной организации драматического текста автора. Они передают негативные или контрастные эмоции, дают возможность воссоздать внутренние движения, разнообразные рефлексии, а также представляют контекст трагического благодаря тому, что в нем отражено крах надежд и жизненных идеалов.

Борис Тен использует следующие способы перевода эпитетов в драматических текстах В. Шекспира:

1. Полные эпитетные конструкции, которые обуславливают разность мышления носителей разных языков:

Look, how this ring encompasseth finger. Even so thy breast encloseth my poor heart [5] – *Як палець твій моїм обнято перснем, Так серце бідне це — грудьми твоїми* [3, с. 327];

The venomous malice of my swelling heart! [5] – *Отруйну злість, що серце розриває!* [3, с. 493].

2. Частичные эпитетные соответствия (имеют одинаковое предметно-логическое значение, почти равноценны эмоционально-экспрессивные и функционально-стилистические характеристики):

Pale ashes of the house of Lancaster [5] – *Змертвілий прах Ланкастерського дому* [3, с. 326];

These two have 'ticed me hither to this place: / A barren detested vale, you see it is... [5] – *Ці двоє притягли мене сюди, / В долину цю безплідну і гидку* [3, с. 449];

3. Декомпрессия, дополненная смысло-образными эпитетами:

Whom every thing becomes, to chide, to laugh, / To weep; whose every passion fully strives To make itself, in thee, fair and admired! [6] – *Та все царючі до лица — і гнів, і сміх, і сльози. Кожен рух чуття / У неї чарівливий і прекрасний* [4, с. 419];

Riotous madness, / To be entangled with those mouth-made vows, / Which break themselves in swearing! [6] – *Безумство – / Запевненням клятвопорушних уст / Знов довіряться* [4, с. 427].

4. Денотативно-образное эпитетное соответствие (воссоздание контекстуального основания, на фоне которого и вырисовывается образ). В этих переводах Борис Тен смог уловить, как в смысловой структуре определения происходит смещение акцентов в сторону ассоциативных, экспрессивных эмоциональных, оценочных компонентов, и передать аксиологическую и когнитивную сущность эпитета. Это подтверждается яркими примерами:

*Here stands the spring whom you have stain'd with mud, / This **goodly summer** with your **winter mix'd*** [5] – *Ви скаламутили джерельну воду, / Змішали літо красне й люту зиму* [3, с. 492];

*The story of that **baleful burning night** / When subtle Greeks surprised King Priam's Troy* [5] – *Про ту **страхітливу вогненну ніч** – / Коли взяли підступні греки Трою* [3, с. 496].

Таким образом, исследуемый материал подтверждает, что Борис Тен постиг все тайны шекспировских эпитетов, дал им в контексте новые художественные импульсы через расширение семантической структуры, а также окказиональное расположения определений усиливает ритмико-интонационное напряжение поэтической драмы. В переводческой лаборатории мастера эпитеты становятся носителем предметного изображения трагического мира, во многом определяют и направляют развитие событий в драматическом тексте.

Библиографический список

1. Бибик С. П. Єрмоленко С. Я., Пустовіт Л. О. Словник епітетів української мови / за ред. Л. О. Пустовіт. – К. : Довіра, 1998. – 431 с.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – Л. : Гослитиздат, 1940. – 646 с.
3. Шекспір В. Твори в шести томах. Том 1. [переклад з англійської]. – К. : «Дніпро», 1984. – 534 с.
4. Шекспір В. Твори в шести томах. Том 5. [переклад з англійської]. – К. : «Дніпро», 1986. – 693 с.
5. Shakespeare W. Titus Andronicus / W. Shakespeare [Электронный ресурс]. – Режим доступа : William%20Shakespeare%
6. Shakespeare W. Antony and Cleopatra / W. Shakespeare [Электронный ресурс]. – Режим доступа : William%20Shakespeare%20-%20Antony%20and%20Cleopatra.pdf.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВОГО МАТЕРИАЛА НА ЗАНЯТИЯХ СО СТУДЕНТАМИ С ОВЗ (нарушениями опорно-двигательного аппарата)

И. С. Назметдинова

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Московский государственный
гуманитарно-экономический
университет, г. Москва, Россия*

С. С. Столярова

*Кандидат психологических наук,
учитель,
Лицей № 1795 «Лосиноостровский»,
г. Москва, Россия*

Summary. It remains an open problem of adaptation of educational and teaching aids (on the circuit-based) to the peculiarities of disabled students with impaired manual motor activity (it is difficult to work with plain text material located on several pages); problems with speech, accompanied by inhibited mental operations and verbal responses, the process of perception of texts (it is difficult to choose just the most basic of the analysis of the text, you must return to the same text). We offer the vision to create training manuals for linguistic disciplines for students with disabilities, which is designed in view of the special organization of the text (theoretical and practical) of the material for this category of students.

Keywords: adaptation; disabled students; perception a texts; analysis of the text.

В настоящее время существуют определенные проблемы, затрудняющие эффективность образовательного процесса при обучении студентов с ограниченными возможностями здоровья, в том числе с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Для того чтобы обучение таких студентов оказалось успешным необходимо разработать адаптированные учебных программ, учебные материалы и пособия.

Наш опыт работы в МГГЭУ – уникальном высшем образовательном учреждении, адаптированном для инвалидов-опорников, позволяет говорить о том, что в университете создана безбарьерная среда для лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) Однако, если в социокультурном, пространственно-техническом плане безбарьерная среда в нашем университете создана, то остаётся открытой проблема адаптации учебных и учебно-методических пособий (на печатной основе) под особенности студентов.

Так как, часть студентов нашего университета с нарушениями ручной двигательной активности (ограничена или нарушена чёткость движений рук), им сложно работать с обычным текстовым материалом, расположенным на нескольких страницах. Часть ребят с проблемами речи, сопровождающимися заторможенными мыслительными операциями и речевыми реакциями, им трудно выбрать самое основное из текста при анализе, им всё кажется важным. Другие испытывают сложности из-за отдаленной во времени реакции на восприятие и понимание текстовых материа-

лов, что отягощено разными формами ОВЗ. То мы предположили, что использование одного и того же текста на занятиях по разным речеведческим (лингвистическим) дисциплинам: «Стилистика русского языка», «Русский язык и культура речи», «Теория текста», «Культура речи и деловое общение», «Риторика», позволит всем студентам вне зависимости от видов ОВЗ и исходного родного языка благополучно проходить курс обучения.

В настоящее время, как считает Н. С. Валгина, «текст определяется, как динамическая единица высшего порядка, как речевое произведение, обладающее признаками связности и цельности в информационном, структурном и коммуникативном плане. Понятие «текст» часто включается в термины лингвистического плана – грамматика текста, стилистика текста, синтаксис текста, лингвистика текста. Многоаспектность самого феномена текста диктует и многоаспектность его анализа» [1].

Размышляя над этой проблемой, мы пришли к мысли о разработке пособия из двух частей, в котором были бы собраны необходимые, перекрестно-значимые при преподавании ряда предметов лингвистического цикла текстовые материалы разного уровня сложности с комплексом заданий к каждому тексту и подобран теоретический материал, соответствующий практическому блоку. Один и тот же текст (как правило, из отечественной литературы, с которым студенты знакомятся на дисциплине «История отечественной литературы») рассматривается нами как благоприятный материал для аналитической работы по разным смежным дисциплинам.

Располагая материалы на страницах практической части, мы исходили из психологии самого студента и особенностей студентов нашего университета, сам текст и задания к нему мы расположили на книжном развороте: сначала, слева – текст, затем, справа – задания по указанным дисциплинам.

Выполнение практических заданий на основе интересных текстов представляет продуктивную умственную работу, плавно переходящую в творческую, которая, как мы считаем, положительно влияет на учебную деятельность студента, а правильно организованная учебная деятельность предполагает и определённую долю самостоятельной работы, для которой необходимо умение работать с текстами и заданиями к ним.

Практические задания строятся по принципам «через простое к сложному и обратно», «от репродуктивных к творческим», учебники прямых ответов на поставленные в заданиях вопросы не дают, надо самому студенту вчитаться («вслушаться и всмотреться» в текст), подумать, осмыслить, проанализировать и сделать выводы.

Как же работать с пособием? Начинаем с практической части. Открываем книжный разворот: слева – текстовый материал (отрывки или небольшие целые произведения), разный по стилевой принадлежности, по авторской отнесенности, по уровню сложности, предназначенный для чтения и анализа студентами. Опираясь на тексты отечественной литературы, мы выбирали отрывки, содержательно насыщенные и интересные в линг-

вистическом плане. Справа – комплекс заданий к каждому тексту. В каждом комплексе предложены задания на определение вида текста и его особенностей, через выяснение значения/смысла слов или текстовых фрагментов, с использованием логических приёмов, раскрывающих основные признаки текста, его характерные черты, сопоставление нескольких текстов с целью более глубокой детализации анализируемого материала, систематизацию и обобщение основных признаков текста.

Задания на правой стороне книжного разворота разработаны для нескольких смежных дисциплин и обозначены индексом, его можно найти в конце строки каждого задания: часть заданий – для занятий по стилистике (индекс – С), часть по культуре речи (индекс – К/Р), другая часть (индекс – Т/Т) – для занятий по теории текста и т. д. Есть задания, которые разработаны для нескольких дисциплин, в соответствии с этим и индексация. Количество заданий для одного занятия по отдельно взятой дисциплине используется по усмотрению преподавателя. Цель подобной организации материала – помочь студентам овладеть практическими умениями анализа текста.

Теоретический материал нередко с большим трудом воспринимается студентами с ОВЗ и изучается не всегда внимательно, что связано с психологическими особенностями и возможностями познавательной деятельности студентов с особыми потребностями. Мы распределили процесс овладения теоретическими знаниями и формирования познавательной деятельности студентов на несколько этапов: знакомство с текстами художественной литературы, выполнение заданий аналитического характера к этим текстам (практическая часть пособия) и обращение к теоретической части при затруднениях с восприятием заданий (теоретическая часть)

Если студент при выполнении какого-либо практического задания испытывает трудности в понимании и интерпретации терминов, понятий, он может обратиться к теоретической части пособия. Достаточно найти искомый теоретический материал, который в этой части пособия расположен в алфавитном порядке (по традиции построения словарных статей в энциклопедических словарях), и прочесть, вспомнить его. (Часть наших студентов испытывает трудности в выборе самого основного из теории, им всё кажется важным; если определения, понятия не даны в «прямом доступе», а разбросаны по всему параграфу или главе учебника и надо самому найти и выявить их на основе прочитанного, для них это – сложная задача). А затем вернуться к практической работе.

По тематическому полю практические задания совпадают с теоретической частью, что помогает студентам вспомнить и закрепить теоретические сведения не только на практических занятиях в группе, но и при самостоятельном изучении дисциплин.

Таким образом, при работе со студентами с нарушением опорно-двигательного аппарата необходимо использовать адаптированные учебные

пособия, активизирующие их познавательную деятельность. Это достигается путем применения одного и того же текста, но с разными заданиями по разным смежным дисциплинам. Текстовая информация и задания к ней должны быть расположены на одном книжном развороте листа.

Библиографический список

1. Валгина Н. С. Теория текста : учебное пособие. – М. : Логос, 2003. – 280 с.

КАНЦЭПТЫ «ДАРОГА», «ЛЁС» У МОЎНАЙ КАРЦІНЕ СВЕТУ НІЛА ГІЛЕВІЧА

І. І. Навасельцава

*Кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
Беларускі дзяржаўны эканамічны
ўніверсітэт,
г. Мінск, Рэспубліка Беларусь*

Summary. The subject of our analysis are the dominant words in Nil Gilevitch's poetry as the signs of concepts – the mental formations realizing in themselves not only the individual author's but also the cultural peculiarities of that ethnic area the member of which is the poet himself as a linguistic personality. The analysis showed that the poet's language and contemplation of the world constitute a single unit. The conceptual loading of the poet's key words has its own specificity which reveals the peculiarities of the poet's artistic world and at the same time confirms that purely national Belarusian projection of reflecting the reality, person's perception of time and the world around is the determining in the original and merely national creative work of Nil Gilevitch.

Keywords: concept; metaphorization; linguistic personality; verbalization.

Мова захоўвае культурную памяць пэўнага народа, выражае і трансліруе адмысловасць яго светагляду, веды пра рэчаіснасць – нацыянальна-культурны фон. Лінгвакультуралаг В. Л. Маслава слушна адзначае, што «мова з'яўляецца фактам культуры, паміж светам і мовай знаходзіцца чалавек, носьбіт мовы, які ўспрымае і ўсведамляе свет праз органы пачуццяў і на іх падставе стварае сістэму сваіх уяўленняў пра свет» [8, с. 62]. Асноўнымі кагнітыўнымі катэгорыямі ўніверсальнага досведу, зафіксаванага ў культурнай памяці народа, з'яўляюцца канцэпты – культурна-ментальна-моўныя адзінкі, «згусткі культуры ў свядомасці чалавека; тое, у выглядзе чаго культура ўваходзіць у ментальны свет чалавека, і тое, праз што чалавек сам уваходзіць у культуру, а ў некаторых выпадках і ўплывае на яе» [9, с. 40]. У стварэнні канцэптасферы нацыянальнай мовы асаблівае роля належыць майстрам слова, творчасць якіх рэалізуе ў сабе не толькі ўласныя моўныя, але і культурныя асаблівасці таго этнічнага арэала, у які пісьменнік уваходзіць як моўная асоба, бо «кожны народ бачыць адзіны лад быцця ў асаблівай праекцыі –

нацыянальным вобразе свету, які прасвечваецца ў сукупнасці асноўных архетыпаў-сімвалаў у мастацтве» [2, с. 233]. У сучаснай лінгвістыцы актуальным з'яўляецца даследаванне дамінантных, сэнсава ёмістых слоў, што набылі сімвалічнае значэнне і нясуць для носьбітаў мовы значную культурную інфармацыю, фарміруюць адпаведную ментальнасць.

У моўнай карціне свету народнага паэта Беларусі Ніла Гілевіча адлюстраваны як універсальныя, нацыянальныя, так і індывідуальна-аўтарскія канцэпты, бо ў паэтычным кантэксце слова не толькі абазначае пэўную рэалію, але і выступае ў багаці сваіх асацыятыўных сувязяў і стылістычных адценняў. Важную ідэйна-сэнсавую функцыю выконваюць у творах паэта словы-сімвалы «дарога» і «лёс», ментальна-лінгвістычная мадэль якіх прадстаўлена моўным, канцэптуальным і культуралагічным складнікамі і абумоўлена нацыянальна-культурнымі каштоўнасцямі беларусаў.

Слова *дарога* мнагазначнае. У мове паэзіі Ніла Гілевіча яго канцэптуальнае нападзенне ўтрымлівае як нацыянальна-культурныя, так і індывідуальныя канатацыі, прадстаўлена сінонімамі *шлях*, *сцежка*, *пуцявіна*, што выкарыстоўваюцца і ў прамым значэнні, і ў якасці метафары. Паэт ужывае слова *дарога* і яго сінонімы ў прамым значэнні «паласа зямлі, прызначаная для перамяшчэння» [10, с. 170]: *На ўсё глядзець нязвыкла, / Што легла ў прах, што зарасло. / Але, калі дарога знікла – / Страшней, здаецца, мне за ўсё... / Дарога... Колькі я з дзяцінства / Папахадзіў калісь на ёй!.. / Яна – жыцця майго часцінка, / Душы зародачак маёй* [4, с. 155]; *А на сцежцы стаіць чалавек / І, як курыца ў гузік, / Атупела глядзіць у нішто, / У нікуды глядзіць* [6, с. 155]; *А на зямлі ўсё сцелюцца дарогі – / Гасцінцы, магістралі, бальшакі – / Не для пакут, не для людской трывогі – / Для радасці і шчасця на вякі!* [3, с. 453].

Часта ў адным вершы побач выкарыстоўваецца і слова *дарога* «прызначаная для перамяшчэння паласа зямлі, якая злучае асобныя пункты», і яго сінонімы (*сцежка* «вузкая, пратапаная людзьмі або жывёламі дарожка», *шлях* «месца, лінія ў прасторы, дзе адбываецца рух, перамяшчэнне; шырокая, прыстасаваная для руху транспарту дарога») [10, с. 170], якія не знаходзяцца ў пазіцыі тоеснасці, актуалізуюць пэўную адметную прымету: *Дзе роўнай дарогаю торнай, / Дзе сцежкай глухой наўскасяк / У латанай світцы і з торбай / Ішоў напрасімец-жабрак... / Сцяжынкай, між лугам і нівай, / Да шляху, што ў горад вядзе, / Паходкаю лёгкай, імклівай / Мадонна эпохі ідзе* [6, с. 212]; *Знаю: мне не вяртацца / Гэтым шляхам ніколі – / На апошнюю ростань. / На спатканне з былым. / Белай стужкай дарога / Раскацілася ў полі, / А на ўзбоччы дарогі – / Толькі шызы палын* [3, с. 284]. Спалучэнне ў якасці прыдатка слова *пуцявіна* з нейтральным *сцежка*, а таксама слова *сяжына* ў прамым значэнні і ў пераносным «памяць» надае выказванням асаблівую ўзнёсласць: *Пашкадую, што пайду ад гэтых / Дарагіх і мілых сэрцу гоняў, / Што на*

сцежках-пуцявінах свету / Не пацісну ўжо сябрам далоняў [3, с. 129]; *Над гэтым салдацкім капцом дарагім / Прашу аднагодкаў: праверце, / Ці не зараслі дзе да родных магіл / Сцяжыны – у полі і ў сэрцы!* [3, с. 132].

Дарога (шлях) выкарыстоўваецца паэтам і ў значэнні «падарожжа, паездка, перамяшчэнне» [10, с. 170]: *Свой дом заўсёды ў сэрцы. / К яму ідзеш з усіх дарог...* [4, с. 93]; *Да станцыі, мабыць, трымаючы шлях, / Ішла яна ўдалеч прысадамі. / Абветраная на далонях дарог, / Асмужаная санцапёкамі* [3, с. 47]; *Далёка ты ад нашай Беларусі, / Калі – не ведаю – у шлях збяруся, / Цябе, свабодны горды край, пабачу* [3, с. 129]; *Я шчаслівы, што вольна магу / Мераць крокамі далі-шляхі* [3, с. 126]; *І скрозь, куды б мяне ні прывялі / Шляхі-дарогі пад высокім небам, / Ты [Нарач] – сімвал любяе навек зямлі – / Была мне ўцехай і надзённым хлебам* [3, с. 227].

Паняцце дарога – амбівалентнае: любая дарога мае пачатак (жыццё) і канец (смерць). «Беларуская мадэль свету пабудаваная з двух сіметрычных шляхоў: вертыкальнага, што злучае жывых і мёртвых, зямлю і неба, і гарызантальнага, які адлюстроўвае жыццё, лёс чалавека, яго адносіны з іншымі людзьмі і прыродным асяроддзем» [7, с. 330]. У традыцыйнай выяве свету вобраз дарогі перш за ўсё звязаны з такімі агульнафіласофскімі паняццямі, як прастора і час, узыходзіць да старажытных уяўленняў пра тое, што жыццё чалавека – толькі маленькі адрэзак у часавым вымярэнні, у ланцужку нараджэнне – жыццё – смерць.

Дарога, сцежка, шлях ужываюцца паэтам у значэнні «жыццё каго-небудзь» [10, с. 170]: *У бляску ягоным / Так сталі відны / Усе мае годы, / Усе мае дні. / Уся мая – аж да маленства – / Дарога* [6, с. 22]; *Адлегласць ад гэнай магілы да могіц вясковых / Усё карацее, дарога ўсё болей крыжуге... / І, можа быць, мама, ты ў сына спытаешся скоро: / “Ці шчасна ж дажыў ты?..” І што там табе адкажу я?* [6, с. 98]; *Тады, як зямная канчалася цвердзь / І сцежка зрывалася ў прорву, у багну, – / Я нечага іншага, большага прагнуў, / Сляпак, я не думаў пра смерць* [6, с. 80]; *Сябры мае, я ведаю і сам, / Што быў бы сорам – у палоне страху / Гадаць, чаго: якіх уцех ці драм / Чакаць мне трэба на астатку шляху* [6, с. 66].

У беларускай міфалагічнай традыцыі дарога ўвасабляе сувязь з іншасветам, светам памерлых. Праз метафару дарогі смерць разумеецца як выправа чалавека «ў апошні шлях, у апошнюю дарогу». Паэт удала выкарыстоўвае фразеалагізмы з гэтым значэннем, часам перапрацоўвае іх: *Даруй мне ўсё, што можаш дараваць, / А што не можаш – памалюся Богу, / Мо ён даруе, перш чым скіраваць / Маю душу ў апошнюю дарогу* [6, с. 119]; *Ах, айцы-мудрацы, / Навучыцелі простых смяротных! / Дзякуй вам за наказ – / Смела ехаць у шлях незваротны* [6, с. 79].

Дарога (шлях, сцежка) – гэта і «напрамак дзейнасці, развіцця каго-чаго-небудзь» [10, с. 170], пошук свайго «я», сродак дасягнення мэты: *Цяжка, ды мушу: падамся ў дарогу! / Збітыя рыфмы паклічу ў падмогу!* [5, с. 59]; *Мы раз’едземся дарогамі / Беларусі дарагой, / Каб настаўнікамі*

строгімі / Стаць на **шлях** працоўны свой... / Мы згадаем быль далёкую, / Наш парыў і пачуццё, / Як **дарогаю** шырокаю / Мы выходзілі ў жыццё [3, с. 38]; Шануй душу сваю, народзе, / І ўласнай памяці не траць! / Каб у нязведанай **дарозе** / Ахвярай хуткасці не стаць! [4, с. 62]; Як жа выйсьці, пытаеш ты, з гэтай бяды? / З гэтай скрухі глухой, беспрасветнай? / **Шлях** адзін: не ступай у чужыя сляды / На бацькоўскай зямлі заповітай! [6, с. 99]; Над бяздоннем іду – / Па вузенькай кромцы ля стромы... / Што, прайшоўшы, знайду? / Чым пакліканы ў **шлях** неведомы? [5, с. 29]; Рэкамендацыі далі вам не калегі, – / Добраславеннем вам быў заповіт / Скарыны, Цяпінскага і Сапегі, / Што роднай мове **шлях** праклалі ў свет [6, с. 67]; І вам, сябры, што пачыналі / Тварыць яму [слову] **дарогу-шлях**... / Я вам поклон святочны шлю [6, с. 53]; Колькі іх мужных, што матчынай мове / **Шлях** пракладалі і змёрлі ў турме! [3, с. 244]; Маладыя паэты / Пройдуць **сцежкі** свае / Шчаслівейшымі, / Чым настаўнікі іх, – / Па няшчотнай бацькоўскай зямлі [3, с. 165].

У народнай свядомасці дарога выступае маральнай катэгорыяй. Этнакультуралаг Т. В. Валодзіна слухна заўважыла: «...хтосьці ідзе прамой дарогай, а хтосьці жыве няпраўдаю, абірае крывыя сцежкі. Гэта маральныя алегорыі, якія паказваюць на сімваліку прамой дарогі як правільна абранай жыццёвай стратэгіі» [1, с. 4]. Таму і паэтам дарога ўспрымаецца як арыенцір, крэда, якога варта трымацца асобе: Дзеці ўздымуць на смех – / За бязглуздыя справы, / За **крывыя шляхі**, / Дзе вяршыняю славы – / Куча пыльнай трухі [3, с. 299]. Для паэта дарога (**шлях**) – «жыццёвая пазіцыя асобы, вернасць сваім духоўна-інтэлектуальным прынцыпам, пошук годнай самарэалізацыі»: Трэба ўперад ісці Далёка! / Непакісна і без апаскі – / **Дарогаю** самай цяжкай: / Ад таных пахвал і ласкі / Насустрэч любові людскай. / І калі паміраць у бітве / Ці падаць без сіл у знямозе – / Дык толькі на гэтай **дарозе**! / Толькі на гэтай **дарозе**! [3, с. 120]; Ён жыў сумленна, годна і прыгожа. / У дні, калі жыццё трымціць ад страху, / Ён баязліва не звярнуў са **шляху**, / Ён мужнасці вялікі меў запас [6, с. 158]; Я **шляху** не згублю і ўпрыцем. / Каб час змяніўся – не патрэбны ўказ. / Мой час наперадзе, / Яшчэ ён прыйдзе – / Мой заповітны беларускі час! [6, с. 56].

Праз метафару дарогі (**шляху**, **сцежкі**) паэт перадае адметнасці адносін між людзьмі (развіццё ці спыненне стасункаў; супольнасць дзеянняў або адсутнасць адзіных поглядаў і пад.): Калі вы далоні злучылі навек, / Каб крочыць **дарогай** адною, – / На шчасце, на згоду, як дар-заповіт – / Песню бярыце з сабою! [4, с. 17]; Не стала ўжо і большасці сяброў, – / Каб пасядзецца за чаркай і яшчэ раз / Адчуць, што хіжы век нас не развёў, / І што наш **шлях** не заслانیла шэрасць [6, с.127]; І верым: **шлях** ад сэрца к сэрцу ляжа! [3, с. 368]; Што нашы **сцежкі** развяло, – / Цяпер гадаць няшмат карысці [3, с. 152]; І я не заўважыў, / Калі без мяне ты / Пайшла па **сіяжыніцы**. / І ў момант у гэты / Застаўся адзін я [6, с. 52].

Адмысловасцю асацыяцый вылучаецца ў паэзіі Ніла Гілевіча і слова-вобраз *лѣс (доля)* «ход жыццёвых падзей, якія складваюцца незалежна ад волі чалавека; развіццё чаго-небудзь, далейшае існаванне; будучыня» [10, с. 317]: *Будзе доўжыцца суджаны лѣс – лѣс у Бога нямілых* [6, с. 162]; *Ёй выпаў рэдкі лѣс – / Кахаць прыгожа. / Кахаць да смерці. / А не да бяспамяці* [6, с. 363]. Паэт атаясамлівае свой лѣс з лѣсам народа і радзімы, асэнсаванне нацыянальнай ідэі выяўляецца з асаблівай вастрынёй: *Ты, Крывія, мой даліцвінскі лѣс, / Ты, слынная Літва эпохі Вітаўта, / Ты, Беларусь, уся з крыві і слёз, / Уся калючым цернем апавітая* [6, с. 200]; *О, Беларусь! Мой лѣс, / Мой першы боль, / Мая нявыспеваная давеку Песня!* [4, с. 76]; *Народзе мой! Стагоддзямі твой лѣс / Не ты, не сам – другія вырашалі. / Якой ты долі хочаш – не пыталі* [6, с. 163]; *О, краю родны! Чым стрымаеш, / Адвернеш лѣс свой ад пятли, / Калі заступніка не маеш / Ні ў небе ты, ні на зямлі?* [6, с. 25]; *Родная мова! Ты воч не расі! / Лѣс твой – свабода. / Іменна ты незалежнасць дасі / Духу народа* [6, с. 102]; *Загавары, загавары / На роднай мове скрозь і ўсюды! / Загавары – каб свет наўсяж / Пачуў твой голас валадарны! / Тады на дзедзюўскіх касцях / Узыдзе лѣс – / Як дзень бяхмарны* [6, с. 60]. Гуманістычныя памкненні Ніла Гілевіча вызначаюць яго філасофскія высновы: *Не будзе спагады нябѣс / Таму, хто адрывуў свой лѣс / І сам сваё шчасце руйнуе* [5, с. 72]; *Трайны ён, круг, ды недзялімы: / Бо сённа – як ні паглядзім – / А лѣс Дзяцей, і лѣс Радзімы, / І лѣс Планеты – лѣс адзін. / І ўсе мы разам у адказе / За гэты вечны круг жыцця* [4, с. 291].

Паэт сцвярджае важнасць для асобы заўжды трымацца духоўных арыенціраў, не скарацца лѣсу, удзячна прымаць яго дарункі, з годнасцю – удары: *Калі б з нас кожны гэтак жыў, як ён [Мікалай Улашчык], / І роднай мовай даражыў, як ён, / І годнасць гэтак жа высока нѣс, / О як бы сённа наш свяціўся лѣс!* [6, с. 65]; *О краю мой! / Шчаслівы лѣс – плаціць любоўю / Табе і жыць – адною ёй* [4, с. 25]; *Я шчодрасць лѣсу ацаніў даўно, / Як мог – аддзякаваў* [6, с. 66]; *Ні ўдар злабы, ні лѣсу горкі посмех / Не раздваіў наш непадзельны свет* [4, с. 190]; *Можна страціць усё, што нажыць давалося, / Ды яшчэ і ўсміхнуцца свавольнаму лѣсу* [6, с. 79]; *Аптымісты мы, відаць, па духу, / Калі ў вечнай з лѣсам барацьбе / Ухітраемся свой сум і скруху / Абярнуць у радасць для сябе* [4, с. 338].

Сутнасць складаных з’яў трапна перадаюць выслоўі (*Лѣс паэтаў – крыж. Ва ўсе часы. / Да шчасця Бог ім не дае прычасця* [6, с. 313]; *Часам нават і балючы ўдар / Мы прымаем не як пакаранне, / Не як помсту лѣсу, а як дар* [6, с. 313]; *Шчаслівая доля – / Трымацца бацькоўскай зямлі, / Як дрэва карэннем!* [6, с. 301]; *Дзе судзіць лѣс – што значаць словы?* [4, с.158]) і параўнанні паэта (*Ахрышчаны ў тваіх празрыстых водах, / Ён невад тут цягнуў, нібы свой лѣс* [4, с. 224]; *Гляджу-ўглядаюся ў рыскі-штрыхі, / Бы ў лѣсу пісьмёны* [5, с. 62]). Творча скарыстоўвае аўтар народныя павер’і пра дарогу-лѣс: *А мама мяне нарадзіла на сене ў калёсах,*

/ Край бітай дарогі, у восеньскі вечар дажджлівы. / (А раз у дарозе, то, згодна з павер'ем аб лёсах, / Ты долі не мецьмеш і век твой не будзе шчаслівым) [6, с. 98].

Беларусы спрадвеку шукалі шлях да лепшай долі. Таму асаблівае гучанне, сакральнасць набывае канцэпт «дарога – лёс», калі ўжываецца паэтам у значэнні «нацыянальнае самавызначэнне; лучнасць асобы з радзімай»: *У чыстым белым ільняным уборы, / Дарогаю, што ў лужынах была, / У горад Маці крывічоў ішла / І думала, што падвязе каторы... [6, с. 186]; Уражанне: бытта ў глыбокай пячоры мы ўсе, / Ступаем і мацаем сцежку нагой з непрывычкі, / А ўперадзе ў клешчах ярма – наша доля сама / З усмешкай дурнічкі на твары [6, с. 14]; Мы ідзём і глядзім, / Пілігрымы Айчыны... / Шлях не ўходаў круты, / Не адолела стома. / Скора, скоры, браты, / Мы пачуемся дома [6, с. 14]; На стрэсава-чумным / Эпох перагібе / Нам злыдзень вяшчуе / Абсурд і пагібель. / Зларадна прарочыць: / Не ўнікнуць нам краху. / І прыйдзеца збочыць / З абранага шляху [6, с. 28]; Як доўга яшчэ будзе ў нас у вачах / І ў кожным штрыху чалавечым – / Наш, пройдзены намі, пакутлівы шлях, / Наш сум на няспраўджаным нечым? [5, с. 85]; Вер слову нашаму, / Вою-вершніку бястрашнаму, / Вер у бел-чырвона-белы сцяг, / У хрышчоны кроўю шлях! [6, с. 214]; Ці, можа, з гэтакіх пагоркаў [магіл] / Сваё жыццё нам лепш відаць? / Свой шлях – у пошуках, удачах і грахах? / Ці ў гэткі час ясней мы бачым / Радзіма-бацькаўшчыны шлях? [4, с. 74]; Відаць, пракляцця знак ляжыць / На нас ад роду, / І таму так цяжка шлях нам церабіць / Да Беларусі [5, с. 137]. Сваім мужным словам паэт умацоўвае нашу веру, што па годнай дарозе І ўсё ж мы дойдзем, дойдзем мы да Беларусі [5, с. 137], што Вялікідзень святы – ён наперадзе ў нас... / І распяты наш лёс – уваскрэсне [5, с. 73].*

Такім чынам, дарога і лёс – вельмі значныя і для калектыўнай, і для індывідуальнай свядомасці нацыянальна-культурныя паняцці, семантычнае нападзенне якіх істотна залежыць ад мовы і культуры, да якіх творца належыць як моўная асоба. У паэзіі Ніла Гілевіча мастацкія канцэпты «дарога» і «лёс» набываюць важную ідэйна-эстэтычную нагрузку, выяўляюць, у звязку з культурна-моўнымі асаблівасцямі і каштоўнасцямі беларускага арэала, аўтарскае ўспрыманне свету і сябе ў ім, асэнсаванне сутнасці быцця чалавека ў соцыуме, пераконваюць, што чалавек – не толькі творца жыццёвай дарогі і характару соцыуму, але ж і іх ахвяра, а праблема паратунку асобы залежыць ад ступені нацыянальнай самаіснасці.

Бібліяграфічны спіс

1. Валодзіна Т. В. Усё жыццё – дарога // www.svaboda.org/a/794573.html (дата доступу: 21.08.16).
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. – М. : Издательство “Культура”, 1995.

3. Гілевіч Н. Выбраныя творы ў 2-х т. Вершы і паэмы. – Мн. : Мастацкая літаратура, 1981. – Т. 1.
4. Гілевіч Н. Выбраныя творы ў 2-х т. Вершы і паэмы. – Мн. : Мастацкая літаратура, 1991. – Т. 2.
5. Гілевіч Н. На высокім алтары. Новая кніга паэзіі. – Мн. : Мастацкая літаратура, 1994.
6. Гілевіч Н. Збор твораў. – Мн. : Мастацкая літаратура, 2001. – Т. 3.
7. Крук Я. Сімволіка беларускай народнай культуры. – Мн. : Беларусь, 2003.
8. Маслова В. Л. Лингвокультурология. – М. : Издательский центр “Академия”, 2001.
9. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М. : Академический Проект, 2001.
10. Глумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – 4-е выд. – Мн. : БелЭН, 2005.

АРХЕТИП ВОДЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РОБЕРТА ЛЬЮИСА СТИВЕНСОНА

Т. А. Хитарова

*Кандидат филологических наук,
Кубанский государственный
аграрный университет,
г. Краснодар, Россия*

Summary. this article deals with the problem of description of symbols *Water* and *Sea* according to the point of view of archetypes in the poetry of Robert Louis Stevenson. *Water* as a basis of life plays a vital role in the common Universe. The author depicts *Water* from different angles and as a result shows its vivid and diverse nature.

Keywords: archetype; poetry; poetics; symbol; water; sea.

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с архетипом *Вода* в поэзии. Материалом послужило стихотворение-баллада шотландского писателя и поэта Роберта Льюиса Стивенсона «Вересковый мёд». Стихотворение, созданное в 1890 году, описывает военные события, борьбу народа пиктов против захватчиков-шотландцев.

В данном исследовании используется стихотворный перевод С. Я. Маршака.

Обоснованным является анализ архетипа «Низ», а конкретно *Воды* и *Моря*. «По своей мифологической природе вода относится к числу символов, чья амбивалентность особенно очевидна. Её глубинная онтологическая сущность не вызывает сомнений. ... Будучи одной из основ жизни, источником повседневного утоления жажды вода может выступать и как поглощающее начало, как один из образов, синонимичный бездне. Есть вода живая, с которой связаны устойчивые представления о воскресении и бессмертии, но есть и вода мёртвая, лишаящая человека надежды» [1, с. 21].

Интересно описание моря в энциклопедическом словаре, посвящённом славянской мифологии: «Особое значение имеет море – местопребывание многочисленных отрицательных персонажей; жилище смерти, болезней, куда их отсылают в заговорах. Его воплощения – море, океан-море, морской царь и его двенадцать дочерей, двенадцать лихорадок и т. п. Положительный аспект воплощается в мотивах прихода весны и солнца из-за моря» [2, с. 9].

Л. Н. Виноградова верно отмечает, что «Вода – в народных представлениях одна из основных стихий мироздания (наряду с землей, воздухом и огнем); опора, на которой держится земля; источник жизни и средство магического очищения. Вместе с тем водное пространство – граница между «этим» и «тем» светом, путь в загробное царство, место обитания душ умерших и нечистой силы» [1, с. 98].

В стихотворном произведении Р. Л. Стивенсона «Вересковый мёд» море является убежищем, в нем можно хранить (или хоронить) тайны и секреты. Стихотворение наполнено шемющим чувством патриотизма, верности на грани с жертвенностью.

«Король по склону едет // Над морем на коне, // А рядом реют чайки // С дорогой наравне» – эти строки указывают на желаемое превосходство королевского трона над природой, даже птицы не поднимаются ввысь и море по своей сути находится ниже верховной власти.

«Старый горбатый карлик // И мальчик пятнадцати лет. // К берегу моря крутому // Их привели на допрос. // Но ни один из пленных // Слова не произнёс». Море вырисовывается как равнодушный свидетель, безмолвный наблюдатель, читатель обнаруживает вечность мироздания, вне зависимости от того, что происходит – доброе или злое. Молчит и море, и герои. И далее: «Сын и отец молчали, // Стоя у края скалы. // Вереск звенел над ними, // В море катились валы». Данные строки приближают читателя к кульминации сюжета, напряжение растёт, трагическая развязка близка.

«Пускай его крепко свяжут // И бросят в пучину вод, // А я научу шотландцев // Готовить старинный мёд». Этими словами отец рода заведомо идёт на хитрость, апеллируя к своей совести: «Тайну давно бы я выдал, // Если бы сын не мешал. // Гибель ему нипочём. // Мне продавать свою совесть // Совестно будет при нём». Образ *Воды* здесь представляется читателю как что-то таинственное и страшное, то, что может скрыть бесчестный поступок, навсегда унести в темноту воды греховное деяние.

«Сильный шотландский воин // Мальчика крепко связал // И бросил в открытое море // С прибрежных отвесных скал. // Волны над ним сомкнулись». Данные строки указывают на то, что море и вода явились страшным смертельным наказанием, хотя и несправедливым.

Показательно сравнение образов *Моря* у Р. Л. Стивенсона с образом *Озера* у А. Мердок в произведении «Колокол», оба из которых являют собой архетип «Низа». «Озеро – тёмное и илистое, глубокое. Оно символи-

зирует закоулки подсознания, тайные влечения, запретные импульсы. Озеро не только меняет свой цвет в произведении, оно может волноваться и манить, способно убивать». [4, с. 16]. Такие же характеристики Воды присутствуют и в произведениях Р. Л. Стивенсона.

В английском варианте данного стихотворного произведения Р. Л. Стивенсон не так много внимания уделяет *Морю* и *Воды*. Данные строки указывают на более, чем в русском переводе, нагнетание напряжения: «Сын и отец молчали, // Стоя у края скалы. // Вереск звенел над ними, // В море катились валы» – «There stood the son and father // And they looked high and low: // The heather was red around them, // The sea rumbled below». Глагол «rumble» имеет значение «громохатать, грохотать, греметь». Кроме того, строки «Сильный шотландский воин // Мальчика крепко связал // И бросил в открытое море // С прибрежных отвесных скал. // Волны над ним сомкнулись» в русском варианте, а в английском «And a lad took him and swung him, // And flung him far and strong, // And the sea swallowed his body» – море поглотило, проглотило жертву, строки более ужасают.

Можно отметить, что читатель сначала обнаруживает спокойное морское, водное безмолвие, наряду с превосходством человека над ним, а потом чувствует приближение шторма с катящимися валами морской воды, и в заключении море предстаёт в виде исполнителя смертной казни, после чего оно опять успокаивается и затихает. Образ *Воды*, *Моря*, водной стихии в данном произведении наполнен противоречиями, так же как и физический образ воды может изменяться, принимая образ и жидкости, и пара, и твёрдого льда, так и в этом произведении автор указывает на противоречивость стихии, на её и положительные, и отрицательные качества, а, кроме прочего, и явное равнодушие к человеку и его чувствам, эмоциям. Всё это оказывает сильное влияние на читателя после прочтения произведения и затрагивает его глубинные чувства. А архетипы *Воды*, *Моря*, как бессознательные понятия, помогают автору создать особую атмосферу тревоги и верности отечеству.

Библиографический список

1. Виноградова Л. Н. Энциклопедический словарь. Славянская мифология. – М. : ЭллисЛак, 1995. – С. 98.
2. Иванов В. В., Топоров В. Н. Энциклопедический словарь. Славянская мифология. – М. : ЭллисЛак, 1995. – С. 9.
3. Стивенсон Р. Л. Собрание сочинений в 5 томах. – М. : Правда, 1981.
4. Хитарова Т. А. Архетипические образы Верха и Низа в романе с притчевым началом (А. Платонов, А. Мердок, У. Голдинг). Автореферат дисс. на соискание учёной степени канд. филол. наук. – Краснодар, 2003.
5. Stevenson R. L. URL: <http://poetryloverspage.com> (дата обращения: 13.10.2016).

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ГРЕХОПАДЕНИЯ В СТИХОТВОРЕНИИ Н. ГУМИЛЕВА «ПОТОМКИ КАИНА»

А. А. Чевтаев

*Кандидат филологических наук,
Российский государственный
гидрометеорологический университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Summary. The article deals with the poetics of the poem “Descendants of Cain” by N. Gumilev (1909). Mythopoetic signs underlying structural-semantic organization of this text contribute to the inclusion of the myth of Cain in the context of the historical development of humanity. The ontological meaning of the fall in Gumilev’s reception is the explication of the “dark” nature of the human “I”, the awareness of which schedules “adamistic” turn to the attainment of primordial harmony of the universe.

Keywords: N. Gumilev; adamism; mythologeme; art ontology.

Концептуальной основой третьей поэтической книги Н.С. Гумилева «Жемчуга» (1910) является экспликация мифологической модели взаимодействия человека и универсума. Интенсивный поиск и утверждение констант человеческого существования, способствующих ценностно-смысловому преобразению Мироздания, актуализирует различные модулы постижения онтологических оснований миропорядка. Историческое, религиозно-мистическое, геософское, телесно-эмпирическое, собственно эстетическое измерения бытия в «Жемчугах» интегрируются в единую мифологическую структуру индивидуально-авторской картины мира и образуют фундамент окказионального мифотворчества.

Принципиальная мифологизация представлений о бытии во многом обусловлена намечающейся в период создания данной книги стихов трансформацией художественного миропонимания Н. Гумилева: переходом от символистской эстетики раннего творчества к поэтике акмеизма 1910-х годов. В «Жемчугах» акмеистическая концепция еще не оформлена в стройную поэтическую систему, но уже проявляет себя на уровне идеологии, и именно всепоглощающий мифологизм моделируемого Н. Гумилевым мира указывает на происходящее в его поэтическом сознании изменение ценностных координат художественной рефлексии.

Как указывает М.В. Смелова, в основе смыслового единства «Жемчугов» находится «метафора “инициации” (как пути к преобразению через смерть прежнего “я”» [17, с. 37], обуславливающая логику концептуального развития всей книги стихов. В процессе такого сакрального «взросления» совершается ремифологизация представлений о бытии и намечаются «выход к высшим ступеням мифологической иерархии» и «попытка “энергичного самоутверждения” личности в мире» [17, с. 37]. Однако такое восхождение «я» к вселенской гармонии первоначально предполагает вскрытие «темных», inferнальных сторон человеческой природы, выявление

бытийных причин и сущности дивергенции человека и универсума. Соответственно, исходной точкой инициационного маршрута в «Жемчугах» оказывается постижение глубинных основ греховности и смерти как онтологических атрибутов миропорядка.

Одним их аспектов осмысления сущностного распада макрокосма и микрокосма в гумилевских «Жемчугах» является обращение к бытийному смыслу грехопадения человека и его последствий. Наиболее отчетливо художественная верификация греховного пути человечества представлена в стихотворении Н. Гумилева «Потомки Каина» (1909), в котором актуализируются универсальные мифологические коды, укорененные в ветхозаветную концепцию мира. Свойственные гумилевскому творчеству реорганизация мифа и подчинение его смысла собственной точке зрения на бытие способствуют здесь серьезному перекодированию библейского мифа о Каине, эксплицированной заглавием текста, и включением его в единый процесс мифологизации представлений о логике движения Мироздания. Персонажи и события Ветхого Завета, взятые в «Потомках Каина» как в каноническом, так и в апокрифическом измерениях, с одной стороны, вскрывают вектор гумилевских религиозно-философских исканий, а с другой – универсализируются в качестве инвариантных параметров взаимодействия на оси «Я – Мир».

В настоящей статье мы сосредоточим внимание на тех сторонах поэтики стихотворения «Потомки Каина», которые вскрывают гумилевское видение онтологического смысла грехопадения и соединяют художественную идеологию данного текста с общей концепцией «Жемчугов».

Центральной мифологемой стихотворения, акцентированной сильной позицией заглавия, является Каин, образ которого эксплицируется в целом ряде произведений Н. Гумилева и, как показывают существующие исследования, оказывается концептуально значимым в поэтике его раннего творчества [2; 9; 10, с. 382–383; 11, с. 11–13; 14]. Гумилевская интерпретация мифа о Каине и сущности его деяний принципиально выходит за рамки осмысления доктринальных смыслов христианства и смещается в плоскость представлений об истоках человеческой истории и сущности «каинического» преступления.

Отметим, что первым опытом обращения поэта к мифологеме Каина является прозаическое произведение – новелла «Дочери Каина» (1908), в которой отчетливо просматривается равнение Н. Гумилева на апокрифические представления о ветхозаветном первоубийце. Предания о Каине и его дочерях здесь оказываются источником повествования о таинстве любовного чувства в его высшем, сверхчеловеческом проявлении, а потому недостижимом и трагически разрушающем «я» человека, познавшего такую любовь. Постигание абсолютной красоты в ее предельно-греховном измерении, некогда открывшееся Каину и охраняющим его безжизненный покой девам-дочерям, становится бытийным смыслом героя новеллы сэра

Джемса Стоунгемптона, отравляет его душу и отвращает от посмертной гармонии бытия: «Чистые девушки сторонились его, а порочные сами искали его объятий. Он же был равно чужд и тем и другим, и больше ни разу в жизни не затрепетало его где-то далеко в горах Ливана, в таинственном гроте окаменевшее сердце. И умер он, не захотев причаститься, зная, что ни в каких мирах не найдет он забвенья семи печальных дев» [5, с. 39]. В новелле нивелирован канонический грех Каина – убийство брата Авеля, ставшее точкой отсчета человеческих пороков и преступлений, и акцент переносится на последствия Каинова пути в мире – познание запредельной красоты, доступное лишь избранным, и фатальное подчинение ей, приводящее к духовному омертвлению. Именно избранничество Каина и тех, кто внимает его откровению о сущности бытия, становится константным параметром реализации данной мифологемы в поэзии Н. Гумилева.

Подобное понимание деяний ветхозаветного первоубийцы как начальной точки исторического движения человечества актуализируется и в стихотворении «Потомки Каина», заглавие которого семантически родственно заглавию указанной новеллы. Однако здесь серьезно изменяются ценностно-смысловые акценты постижения «каинического» пути, так как рефлексия лирического субъекта оказывается направленной на осмысление не сакрального смысла сверхчеловеческой любви, а универсальной логики бытия, сопрягаемой с явлением в мире Первочеловека – Адама.

В поэтическом мире гумилевских «Жемчугов», при всем многообразии культурных кодов и многомерности мифологических «двойников», масок и ипостасных проявлений лирического субъекта, ключевым архетипическим персонажем является Адам, предстающий матрицей человеческого «я» и искомым идеалом существования. Соответственно, смыслом бытийной инициации лирического субъекта становится осознание собственной причастности к архаическому Адаму и «вращиванию» в себе «адамистической» способности к «пересотворению» мира. Как известно, в статье-манифесте 1913 года «Наследие символизма и акмеизм» Н. Гумилев, провозглашая сущностные черты акмеистической поэтики, «адамизмом» называет «мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь» [6, с. 147], призванный уравновесить макрокосм и микрокосм в их бытийном единстве и тем самым освободить действительность от различных онтологических спекуляций. Однако вектор движения к такому «адамистическому» миропониманию задается именно в концепции доакмеистических «Жемчугов», в которых, по мнению М. Баскера, акцентирован «суровый аскетизм неискупленного Адама» [3, с. 70]. Первочеловек здесь пребывает в исходной точке своего земного пути, сопряженного с трудами, страданиями и скорбью (Ср. представление об Адаме в одноименном стихотворении 1910 года: «В суровой доле будь упрям, / Будь хмурым, бледным и согбенным, / Но не скорби по тем плодам, / Неискупленным и презренным» [4, с. 269]), и поэтому закономерно, что рядом с Адамом возникает фигура его старше-

го сына Каина, онтологический маршрут которого позволяет вскрыть амбивалентность человеческого «я», обусловленную грехопадением.

Стихотворение «Потомки Каина» входит в состав первого раздела поэтической книги – «Жемчуг черный», семантическим центром которого является приобщение к смерти и «мистическое проникновение в “суть вещей”, в архаическую “основу” мироздания» [17, с. 39]. Мортальная семантика и сакрализация архаики, присущая этой части «Жемчугов», способствует контекстуальной экспликации в мифологеме Каина значений избранничества и постижения скрытых законов Мироздания. Отметим, что в новелле «Дочери Каина» ветхозаветный персонаж также изображен разомкнутым в мир живых и мир мертвых, застывшим на границе между жизнью и смертью: «Был он не живой и не мертвый. И хотя благородный старческий румянец покрывал его щеки и царственный огонь мысли и чувства горел, неукротимый, в его черных очах, но его тело белело, как бы высеченное из слоновой кости, и чудилось, что уже много веков не знало оно счастья движения» [5, с. 34]. Такая причастность Каина мортальной стороне миропорядка наделяет его исключительным бытийным статусом в сравнении с остальным человечеством.

Итак, в рассматриваемом стихотворении смысловые акценты в восприятии первоубийцы смещаются с его деяний на сущностные черты его потомства и последователей. Стихотворная организация «Потомков Каина» представляет собой сонетную форму, что обуславливает трехчастный характер строения текста, при котором каждый катрен «имеет самостоятельную тему; вторая тема является обычно развитием первой или связана с ней смысловым параллелизмом <...>; третья тема», реализуемая в двух финальных терцетах, «представляет как бы завершение или синтез двух предыдущих» [8, с. 449–450].

В первом четверостишии изображаемый универсум локализуется в координатах ветхозаветного прошлого, в начальной точке человеческого движения в сотворенном мире: «Он не солгал нам, дух печально-строгий, / Принявший имя утренней звезды, / Когда сказал: “Не бойтесь вышней мзды, / Вкусите плод и будете, как боги”» [4, с. 254]. Как видно, развертывание лирического сюжета здесь обнаруживает нарративный характер, и событием данного лирического повествования является искушение человека дьяволом. Причем данное событийное свершение мыслится как абсолютный онтологический поворот в существовании человечества, навсегда изменивший его бытие.

Однако обстоятельства грехопадения расходятся с каноническим представлением об этом событии. Если в ветхозаветной мифологии Сатана в облики змея искушает в Эдемском саду Еву и, ее посредством, Адама (Ср.: «И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3: 4 – 5)), то здесь свершение человечеством первород-

ного греха возводится к Каину, что индексировано заглавием стихотворения. Свойственное гумилевской поэтике в целом совмещение различных мифологических или исторических событий в данном случае реализуется в синкретизме двух ключевых грехов: познания добра и зла Адамом и Евой и прямого следствия этого познания – первоубийства Авеля Каином, кладущего начала всем земным греховным деяниям. Смысловое родство этих событий находит подтверждение в одной из апокрифических версий обстоятельств убийства, согласно которой Каин убивает Авеля ветвью Древа Познания [13, с. 609].

Наделение Каина функцией Адама, представление его в качестве одного из прародителей человечества также актуализирует апокрифическую трактовку его рождения. В концепциях гностицизма Каин нередко предстает сыном Евы, рожденным от Сатаны. Так, например, излагая еретические воззрения архонтиков, гностической секты IV века, Епифаний Кипрский свидетельствует: «И другую опять басню говорят еретики: утверждают, что диавол, пришедши к Еве, имел общение с нею, как муж с женою, и она родила от него Каина и Авеля. <...> Поелику, говорят, оба брата любили собственную свою сестру, то из-за сего Каин восстал на Авеля, и убил его: ибо, как я и прежде сказал, архонтики говорят, будто Каин и Авель родились от семени диавола» [7, с. 115–116]. Соответственно, дьявольское происхождение первоубийцы наделяет его сверхчеловеческим статусом и продуцирует представление об избранническом пути его потомков.

Кроме того, закрепление первородного греха за Каином и наделение его исключительными чертами, очевидно, восходит к одноименной мистереии Дж. Г. Байрона, написанной в 1821 году, в которой ветхозаветный герой жаждет познать сущность бытия и обращается за разрешением своих сомнений к искушающему и наставляющему его Люциферу (Ср. призыв Люцифера: «<...> Если жаждешь знанья, / Иди за мною – жажда утолится, / И даже без запретного плода, / Способного лишить тебя навеки / Единственного блага, что оставил / Тебе мой враг. Иди за мною, Каин» [1, с. 357]). Однако если в байроновской пьесе Каин воплощает собой неизбежность богоборчества, то в стихотворении Н. Гумилева богоборческие мотивы уступают место мотиву познания и его последствий. Этот мотив усиливается за счет представления дьявола не в каноническом зооморфном облике змея, а в облике «утренней звезды», подчеркивающим его хотя и искаженную, но все же духовную природу. Люцифер, носящий имя «утренней звезды», предстает здесь не отцом лжи, а, напротив, проводником в мир сокровенных истин («Он не солгал нам...»). Эпитет «печально-строгий» вскрывает трагическую сущность дьявольского начала, обусловленную знанием глубинных законов Мироздания («печальный») и аскетическим следованием высшей мудрости («строгий»). Отметим, что Люцифер также предстает утонченным наставником Каина в гумилевской новелле «Скрипка Страдивариуса» (1909), обучающим его искусству поэзии

и музыки (Ср.: «Когда блистательный Канн покончил старые счета с нездешним и захотел заняться строительством мира, я был его наставником в деле искусства» [5, с. 59]).

Следует согласиться с утверждением С. Л. Слободнюка, что, представляя «утреннюю звезду» как одну из ипостасей дьявола, Гумилев создает оппозицию примитивным фигурам князя тьмы в ранних сборниках» [16, с. 156]. Инфернальный аспект бытия как ценностно-значимая составляющая целостного единства универсума отчетливо репрезентируется в «Пути конквистадоров» (1905) и «Романтических цветах» (1908). Однако если в таких произведениях поэта, как «Злобный гений, царь сомнений...» (1903), «Сказка о королях» (1905), «Умный дьявол» (1905), «Пещера сна» (1906), «Влюбленная в дьявола» (1907), дьявольское начало отмечено прямолинейностью и романтически идеализировано, то в «Потомках Каина» оно воплощается в сложном и изощренном образе искусителя, которому известна оборотная сторона познания. Именование дьявола «утренней звездой» также усугубляет трагедию его отпадения от божественной целостности универсума. Как известно, в «Откровении Иоанна Богослова» «утренняя звезда» является сущностным проявлением Иисуса Христа в грядущие времена Второго Пришествия (Ср.: «Я, Иисус, послал Ангела моего засвидетельствовать вам сие в церквах. Я есмь корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя» (Откр. 22: 16)). Таким образом, «светочность» «печально-строгаго духа» можно интерпретировать в качестве его жажды возвращения к единству миропорядка и невозможности такого возврата. Трагическая раздвоенность его существования инспирирует открытие человечеству высшей мудрости, в результате которого обещание «будете, как боги» оборачивается приобщением человека к дьявольскому расподоблению «я» и Мироздания.

Смещение события первородного греха по оси времени в абсолютное прошлое наделяет его характером воспоминания, поэтому Каин здесь присутствует имплицитно, в качестве глубинной генетической сущности его потомков, а лирический субъект предстает в облике коллективного лирического «мы», семантика которого получает двоякую трактовку. Во-первых, оно может обозначать представителей каиновой ветви человечества, которой первоубийца положил начало, отправившись в изгнание и поселившись в земле Нод (Быт. 4: 16). Именно «каиниты» стали прародителями ремесел и искусства, тем самым воплотив в реальности смысл имени «Каин», этимологически восходящему к арамейскому корню qjn («ковать», «создавать»). В контексте гумилевской новеллы «Дочери Каина», в концепции которой, как доказывает М. Баскер, «избранники и мудрецы – резко отличающиеся от прочих детей Адама, Каин и все те, кто впоследствии умышленно приезжает поклоняться его дочерям, – не способны жить в безопасности и веселье, ибо им открывается некий конечный предел несовместимости красоты и непорочности в условиях земного существо-

вания» [2, с. 150], потомками Каина оказываются исключительные личности, способные преодолеть обыденность существования и собственное бытие уподобляющие акту преображения действительности. Лирическое «мы» здесь можно соотнести с общностью гумилевских героев-избранников, переживающих трагический разрыв микрокосма и макрокосма и жаждущих восстановить их изначальное единство.

Во-вторых, коллективный субъект здесь может вбирать все человечество, еще неискупленное после грехопадения и выбравшее путь Каина – путь соблазнов и стремления к онтологическому равенству Богу. Эта универсальность знаний о добре и зле как потенциальная бесконечность возможностей восхождения к высшей мудрости, лишённого каких-либо преград, утверждается во втором катрене. В соответствии с логикой сонетной композиции здесь получает развитие идеологема познания в его положительном значении: «Для юношей открылись все дороги, / Для старцев – все запретные труды, / Для девушек – янтарные плоды / И белые, как снег, единороги» [4, с. 254]. Потомки Каина в этой точке сюжетного развертывания текста предстают уже не в архаическом времени грехопадения, а в историческом переживании его последствий: доступности преображения миропорядка по своей воле, не зависимой от воли Творца. Как отмечает Р. М. Сафиулина, предметом рефлексии в поэзии Н. Гумилева являются «счастье и страдание сыновей Всеединого, сыновей, покинувших отчий дом, живущих своей земной жизнью, порой трудной, но порой великолепной, насыщенной, наполненной борьбой» [15, с. 25].

Однако в данной строфе, несмотря на усугубление движения по пути порока, обнаруживается возможность пересоздания человеческого мира на основах безгрешного существования. По мнению Е. Ю. Раскиной, «единороги», мистические тайны которых открываются девушкам, продуцируют амбивалентность женского начала: его «миссия <...> оказывается смертоносной и в то же время восстанавливающей разрушенные связи земного и небесного», и поэтому именно с женским «я» «связана надежда на спасение» [14, с. 172]. Так как в поэтическом мире Н. Гумилева женщина обладает более высоким аксиологическим статусом и демонстрирует сакральную причастность миру тайн, то именно женское начало обретает возможность разрешить бытийные антиномии, индексированные знаками «янтарные плоды» и «единороги», символизирующие собой соответственно солнечную [12, с. 397] и лунную [12, с. 85] стороны Мироздания. «Единорог», символизирующий чистоту и беспорочность и традиционно являющейся «эмблемой Девы Марии» [12, с. 85], актуализирует христианский код преодоления Каинова греха, однако здесь он все же предстает как возможность, а не действительность, так как девушки в общей логике развития сюжета все же остаются дочерьми Каина, постигшими различие добра и зла.

В третьей композиционной части сонета, образуемой финальными терцетами, эксплицируется онтологический результат грехопадения и яв-

ленных им земных благ: «Но почему мы клонимся без сил, / Нам кажется, что Кто-то нас забыл, / Нам ясен ужас древнего соблазна, // Когда случайно чья-нибудь рука / Две жердочки, две травки, два древка / Соединит на миг крестообразно?» [4, с. 254] Именно здесь верифицируется суть бытия потомков Каина: постижение высшей мудрости не дает успокоения избранническим душам, ступившим по ту сторону добра и зла, так как в них нарушена первородная гармония внешнего и внутреннего аспектов существования мира.

Вряд ли можно согласиться с предложенной В. Н. Климчуковой трактовкой финала стихотворения всецело в свете ортодоксального христианства. Отмеченная исследователем «возможность светлого исхода человеческих страданий» [11, с. 12], вызванных следованием Каиновым путем здесь присутствует, однако она обеспечивается не непреложностью грядущего Спасения и искупления грехов, а смутным ощущением несправедности открывшихся человеку знаний. «Ужас древнего соблазна» осознается и переживается человеком в момент «случайной» гармонизации универсума посредством скрещивания «случайных» предметов. Думается, что в данном случае первостепенной оказывается не христианская символика «креста», а его универсальная архетипическая сущность. Являясь одним из наиболее архаических символов и объединяя в себе небесное и земное, духовное и телесное, активное и пассивное, мужское и женское начала, «крест» символизирует «единство и интеграцию души человека» и обретение «вечной жизни» [12, с. 156]. Человечество, переживая ужас своего избранничества и архаического отторжения от Бога, сознает свою обреченность на вселенское одиночество, однако пути его преодоления пока для него неведомы. Сложно согласиться и с мыслью О. П. Ильинского об оправдании и раскрытии жизни потомков Каина посредством искупления грехов [10, с. 383], утверждаемой в финале стихотворения. Речь может идти лишь о предвосхищении грядущего преодоления греховности, еще неясном и потому вызывающем бессилие и ужас, на что указывает риторическое вопрошание в этой части сюжетного развертывания текста.

Как видно, в «Потомках Каина» ветхозаветный первоубийца предстает функционально-семантическим «двойником» Адама, оказываясь прародителем человечества, идущего стезей постижения запредельных тайн бытия. Расщепление в результате грехопадения изначальной целостности Первочеловека, становится причиной его изгнания из Рая, «который принадлежит неразделенному творению», и «только после восстановления единства внутри себя человек может вернуться к прежнему своему духовному состоянию» [18, с. 289]. Соответственно, Каин предстает воплощением преступно-порочной составляющей дуальности земного Адама, требующей искупления и преодоления.

Итак, в стихотворении Н. Гумилева «Потомки Каина» онтологический смысл грехопадения размыкается в две сферы: познания и гармонии.

Деяния Каина, уподобленного Адаму, инициируют постижение человечеством сущности добра и зла и даруют людям мудрость в ее земном проявлении. Однако искушение знаниями и восхождение человека к высотам тварного мира стирает границы между истинным и ложным, следствием чего становится умножение преступлений и увеличение энтропии греха. Поэтому, познавая глубины миропорядка, человечество, идущее путем Каина и абсолютизирующее возможности собственного «я», в результате не достигает конвергенции внутреннего и внешнего аспектов бытия, свойственной божественному началу, а, напротив, усугубляет разрыв макрокосма и микрокосма, так как утрачивает представление об их соразмерности. Соответственно, осмысление Каина как «темной» стороны Первочеловека и последствий его онтологического движения в универсуме в поэтической концепции Н. Гумилева имплицитно утверждает мысль необходимости «пересотворения» мира посредством явления подлинного Адама, способного преодолеть первородный грех и вернуть миропорядку изначальную гармонию.

Библиографический список

1. Байрон Дж. Г. Собрание сочинений: В 4-х томах. Т. 4. – М. : Правда, 1981. – 496 с.
2. Баскер М. К разбору рассказов Н. С. Гумилёва «Принцесса Зара» и «Дочери Каина» // Гумилёвские чтения. – СПб. : СПбГУП, 1996. – С. 137–157.
3. Баскер М. Ранний Гумилев: Путь к акмеизму. – СПб. : РХГИ, 2000. – 160 с.
4. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902 – 1910). – М. : Воскресенье, 1998. – 501 с.
5. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 6. Художественная проза. – М. : Воскресенье, 2005. – 544 с.
6. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. Т. 7. Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. – М. : Воскресенье, 2006. – 552 с.
7. Епифаний Кипрский. Творения. Ч. 2. – М. : Типография В. Готье, 1864. – 460 с.
8. Жирмунский В. М. Теория стиха. – Л. : Сов. писатель, 1975. – С. 664.
9. Золотухина Н. А. Поэтика новелл Н. С. Гумилева 1907–1909 годов // Николай Гумилев. Электронное собрание сочинений. [Электронный ресурс]. URL: <https://gumilev.ru/about/132/> (Дата обращения: 18.08.2016).
10. Ильинский О. П. Основные принципы поэзии Гумилева: к столетию со дня рождения // Записки русской академической группы в США. – New York, 1986. – Vol. 19. – P. 373–397.
11. Климчукова В. Н. Библейские мотивы в авторской концепции книги Н. С. Гумилева «Жемчуга» // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века. – М. : Водолей Publishers, 2006. – Вып. 3. Ч. 2. – С. 11–17.
12. Купер Дж. Энциклопедия символов. – М. : «Золотой Век», 1995. – 402 с.
13. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 томах. Т. 1. – М. : Сов. энциклопедия, 1991. – 671 с.
14. Раскина Е. Ю. Мотив «благочестивого творчества» («смирненного знания») в художественной программе акмеизма // Русская литература. – СПб., 1999. – № 3. – С. 168–175.
15. Сафиулина Р. М. Всеединое и человек как архетипы отца и сына в поэзии Н. Гумилева // Вестник ТГУ. – Вып. 5 (73). – Тамбов, 2009. – С. 23–25.

16. Слободнюк С. Л. Николай Гумилев: модель мира (К вопросу о поэтике образа) // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. – СПб.: Наука, 1994. – С. 143–164.
17. Смелова М. В. Онтологические проблемы в творчестве Н. С. Гумилева. – Тверь : ТГУ, 2004. – 126 с.
18. Холл П. Мэнли. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. – М. : АСТ, Астрель, 2005. – 480 с.

II. ETERNAL VALUES IN ART AND LITERATURE

ФОРМИРОВАНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВКУСА МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ (на примере изучения творчества К. Г. Паустовского)

С. М. Хапачева
Д. А. Аллахвердян

*Кандидат педагогический наук, доцент,
студентка,
Адыгейский государственный
университет, г. Майкоп,
Республика Адыгея, Россия*

Summary. This article considers the problem of formation of aesthetic taste of younger schoolchildren on the example of studying of creativity of K. G. Paustovsky. The authors conducted a psycho-pedagogical study conditions of formation of aesthetic taste of younger schoolchildren in the educational process, which shows that the interaction of the child with the cultural environment significantly influences the process of development of his personality. The possibilities of reading lessons in elementary school on the formation of aesthetic taste of younger students.

Keywords: aesthetic education; aesthetic taste; pedagogical conditions; younger school students.

На современном этапе развития общества особенно остро стоит проблема духовно развитой личности. В то же время ребенок растет и формируется в сложных социальных условиях. Они характеризуются возрастанием влияния средств массовой информации с одновременным оттеснением таких воспитательных сред, как семья и школа [4]. С другой стороны, культурное содержание именно этих, наиболее близких для ребенка сред, не только остается однообразным, но и обедняется. Кроме того, на сегодня наметилась тенденция падения социального интереса к ребенку. Все это в существенной мере осложняет процесс культурного развития ребенка и его духовное становление [2].

В настоящее время главным в работе традиционной начальной школы, остается направленность на формирование элементарных знаний, умений, навыков, но эта проблема специально не прорабатывается, кроме того в рамках продолжающегося процесса модернизации структуры и содержания образования, начальная школа рассматривается не как «школа навыка». Она призвана стать «первым опытом ребенка в образовании, т. е. местом пробы своих сил, пространством раскрытия личностного потенциала и школой взросления». Также следует отметить, что такой подход наиболее полно реализуется в развивающем обучении, где на первый план выступает развитие личности ребенка [1].

Во многих исследованиях отмечается, что формирование эстетического вкуса младших школьников напрямую соотносится с их духовным развитием, а так же, непосредственно, определяет степень развития эстетического сознания. Идеи таких ученых как: А. Г. Асмолов, Л. Н. Божович, П. П. Блонский, Л. С. Выготский [4], В. В. Давыдов, Л. В. Занков, А. В. Запорожец, А. Н. Леонтьев, А. А. Люблинская, Я. А. Каменский [6], С. Л. Рубинштейн и других, в данном исследовании являются основными в понимании специфики формирования эстетического вкуса как процесса отражения действительности во всем своем многообразии свойств и признаков [5].

Психолого-педагогические исследования условий формирования эстетического вкуса младших школьников в образовательном процессе показывают, что взаимодействие ребенка с культурной средой существенно влияет на процесс развития его личности [8]. Как известно, вкус – категория относительная, а эстетический вкус – категория, играющая большую роль в формировании личности ребенка как совокупности индивидуальных черт, именно поэтому формирование эстетического вкуса мы рассматриваем в образовательном процессе начальной школы [4]. Таким образом, можно получить возможность преемствования и стимул к развитию эстетического вкуса.

Цель данного исследования – это выявление, теоретическое обоснование и проверка опытно-экспериментальным путем педагогических условий, которые обеспечивают формирование эстетического вкуса младших школьников.

Объектом исследования является процесс формирования эстетического вкуса младших школьников в образовательном процессе.

Предметом исследования выступают педагогические условия формирования эстетического вкуса младших школьников в образовательном процессе.

Гипотеза исследования состоит в том, что процесс формирования эстетического вкуса младшего школьника, будет эффективным, если процесс формирования эстетического вкуса ориентирован на выработку личностных эстетических оценок действительности и литературных произведений и строится с опорой на социальный опыт ребенка, также, если в образовательный процесс включена система творческих задач, организующих эстетическую деятельность школьников с учетом их возрастных особенностей и процесс формирования у них эстетического вкуса будет строиться с учетом региональных особенностей при разностороннем взаимодействии с социумом.

Для проверки гипотезы исследования нами был проведен педагогический эксперимент. В его рамках были выбраны начальные классы НОШ № 33, города Майкопа.

Развитие эстетического вкуса рассматривается как процесс не сиюминутный, а длительный по времени его формирования. Анализ специаль-

ной литературы по проблеме исследования показал, что в науке рассматривались, главным образом, категориальная сторона эстетики, эстетического сознания, а также процесс формирования эстетической культуры в целом. Литература, в данном случае чтение, включает в себе огромный потенциал духовных ценностей. Они могут обогатить ребенка, стать мощным средством его развития.

Для успешной реализации условий формирования эстетического вкуса необходимо осознание учителем природы, как ценностного явления, на основе которого формируется и восприятие творчества К. Г. Паустовского и отношения учащихся к нему [7].

Педагогические условия эффективного формирования эстетического вкуса младших школьников на примере изучения творчества К. Г. Паустовского следующие:

- ориентация процесса формирования эстетического вкуса на выработку личностных эстетических оценок действительности и литературных произведений с опорой на социальный опыт ребенка;
- включение в образовательный процесс систем творческих задач, организующих эстетическую деятельность школьников с учетом его индивидуальных и возрастных особенностей;
- целенаправленное вовлечение ребенка в решение коммуникативных задач, которые направлены на выработку созидательной позиции: «ученик-читатель – художественное произведение – жизнь»;
- обеспечение полноценного взаимодействия учебно-познавательной и творческой деятельности при создании речевой среды как возможности самовыражения эстетического суждения;
- оказание педагогической поддержки развитию индивидуальности ребенка через создание эмоционально-комфортной атмосферы на уроках [7].

Рассматривая процесс формирования эстетического вкуса младшего школьного возраста в образовательном процессе, можно прийти к выводу, что начальные классы являются ответственным звеном в системе подготовки учащихся-читателей. Поэтому база литературного развития должна закладываться с первого класса, чтобы использовать те особенности мышления, восприятия и чувства, которые изменяются и исчезают с возрастом.

На начальном этапе исследования возникла необходимость анализа учебных программ и курсов по чтению в начальной школе с целью выявления их места в формировании эстетического вкуса младших школьников. После проведения анкетирования, выяснилось, что большинство учителей (а именно 70 %), начальных классов работают по учебникам В. Г. Горецкого, Л. Ф. Климановой. Так, большая часть анкетированных учителей (а это 61 %) ответили, что на формирование эстетического вкуса детей оказывают влияние все предметы общеобразовательных дисциплин. А 45 % учителей начальных классов отмечают, чтение как одну из основных возможностей формирования эстетического вкуса. Но хочется отметить то,

что также 90 % учителей отводят общению с природой и чтению художественных произведений о ней, т. к. этот процесс является ведущим в формировании эстетического вкуса. Как утверждает А. Г. Ковалёв: «Важная задача - ввести ребенка в природу, научить видеть, понимать и чувствовать её красоту. Сделать это – то бишь, открыть путь к обогащению человеческой личности, её эстетической, интеллектуальной и моральной сфер».

В свою очередь, изображение природы в художественной литературе позволило нам наиболее полно и глубоко осмыслить её влияние на формирование эстетического вкуса младшего школьника на примере изучения творчества К. Г. Паустовского.

Только после того, как прочтешь книги автора, можно прийти к выводу, что примером формирования эстетического вкуса младших школьников, как оценки природы, может служить его творчество, то бишь в нем заложено не только эстетическое, но и нравственное и гражданственное воспитание.

Все учителя едины в понимании эстетического вкуса, как суждения о прекрасном, и в понимании возможности формирования его у детей. Из анкет учителей начальных классов мы установили, что формирование эстетического вкуса по степени активности детей (с позиции учителя), находит отражение в таблице № 1:

Таблица № 1

Театры, концерты	27 %
Книги	26 %
Окружающий мир	23 %
Музеи, выставки	22 %
Среда общения	19 %
Телевидение	16 %
Воспитание в семье	13 %
Учитель	10 %
Уроки	11 %
Музыка	10,5 %
Кружки, внеклассные занятия	9 %
Внутренний мир ученика	3,5 %

Результаты, опрошенных нами детей, мы выразили в процентах, что позволяет сделать вывод о том, что к начальному моменту обучения в школе, ведущим выражением мысли детей является рисунок (67 %). Из этого количества 23 % учащихся при выполнении задания занимаются ко-

пированием уже созданного художественного произведения. Лишь 11 % занимались самостоятельным поиском своих творческих мыслей.

Следующим шагом на начальном этапе было исследование учащихся младшего школьного возраста в форме устного опроса. Он показал, что письменное выражение мыслительных процессов не доступно в полном объеме для детей данного возраста. При выполнении задания по описанию явления природы были получены следующие результаты и представлены в таблице № 2:

Таблица №2

<i>Уровни</i>	<i>Расположение книги</i>	<i>%,(в нач. г.)</i>	<i>%,(в конце года)</i>
Высокий	Прижата к груди	-	4
Высокий	Книга в библиотеке	9	10
Высокий	Раскрытая книга перед ребенком	21	56,5
средний	Книга в руках	26	6
средний	Книга на столе	17	24,5
средний	Закрытая книга	17	6
низкий	Совсем нет книги	17	0

Наиболее характерным показателем сформированности эстетического вкуса является ощущение языка. Необходимо отметить, что в ходе работы над языком произведений К. Г. Паустовского значительно меняется образное описание сюжета рассказа, меняется эмоциональная окраска высказываний учащихся, обогащается словарным запасом, употреблением эпитетов, фразеологизмов в письменной и устной речи детей младшего школьного возраста. Показатель роста речевого развития детей, также отражен в таблице № 3:

Таблица №3

Смогли дать описание	6 %	14 %
Односложно ответили	7 %	29 %
Набор предложений	16 %	44 %
Связанный рассказ	7%	15%

Данная таблица показывает уровень роста обогащения мыслей учащихся художественными приемами, используемыми в процессе прочтения рассказов К. Г. Паустовского.

В процессе исследования выявили четыре основных уровня восприятия и понимания художественной литературы младшими школьниками. Состоят они в следующем:

I уровень: репродуктивный (фрагментарный, сюжетно-логический);

II уровень: эмоционально-сюжетный;

III уровень: интуитивно-художественный;

IV уровень: элементарный осознанно-художественный;

Эти уровни не зависят от возраста школьников. Они указывают на продвижение учащихся в восприятии художественных произведений. Главное отличие этих уровней состоит в том, что в них отражаются качественные изменения в понимании произведений художественной литературы.

В ходе опытно-экспериментальной работы нами уточнены критерии и показатели проявления процесса формирования младших школьников, выявлены психолого-педагогические особенности формирования эстетического вкуса в образовательном процессе. Полученные результаты опытно-экспериментальной работы подтверждают эффективность педагогических условий формирования эстетического вкуса младших школьников в образовательном процессе на примере изучения творчества К. Г. Паустовского.

По окончании, проведенной нами опытно-экспериментальной работы, выяснили, что действительно творчество К. Г. Паустовского дает возможность материализовывать прекрасное через художественный образ, на его основе выстраиваются ассоциации между знакомым и незнакомым, между близким и далеким, между бытием и нашим представлением о нем. Ведь само понимание красоты и глубины содержания художественного образа ведет к развитию у учащихся не только к его пониманию, но и к чувству того прекрасного, которое также проявляется и в оценке произведения искусства, и в оценке окружающего мира. Именно это чувство дает возможность возвыситься до степени художественного вкуса.

В ходе работы нами были уточнены критерии и показатели проявления процесса формирования младших школьников и выявлены психолого-педагогические особенности формирования эстетического вкуса младших школьников в образовательном процессе. Данные результаты экспериментальной работы подтверждают эффективность педагогических условий формирования эстетического вкуса на примере изучения творчества К. Г. Паустовского.

Мы определили педагогические условия более эффективного решения задач формирования эстетического вкуса младших школьников в образовательном процессе ориентацией процесса развития эстетического вкуса на выработку личностных эстетических оценок действительности и литературных произведений с опорой на социальный опыт ребенка; включением в образовательный процесс систем творческих задач, которые организуют эстетическую деятельность школьников с учетом его индивидуаль-

ных и возрастных особенностей (как возможность реализации эстетической реакции в единстве эмоционального и рационального начал), также целенаправленным вовлечением ребенка в решение коммуникативных задач, направленных на выработку созидательной позиции: «ученик – читатель – художественное произведение – жизнь», несомненно, обеспечением полноценного взаимодействия учебно-познавательной и творческой деятельности при создании речевой среды как возможности самовыражения эстетического суждения младшими школьниками и оказанием педагогической поддержки развитию индивидуальности ребенка через создание эмоционально-комфортной атмосферы на уроках, к тому же привлечением для достижения цели формирования эстетического вкуса младших школьников разностороннего взаимодействия с социумом с учетом региональных особенностей.

Разработанные и практически апробированные в начальных классах общеобразовательных школ педагогические условия способствуют положительной динамике развития каждого учащегося младшего школьного возраста. Эти условия в большей мере улучшают семейную атмосферу, помогают личностному росту самого учителя, благодаря включению учащегося в активную творческую работу на уроках чтения, изучая художественные литературные произведения. Творчество К. Г. Паустовского при этом является более мощным условием организации образовательного процесса.

Библиографический список

1. Ачкасова Л. С. Гуманизм в творчестве К. Паустовского. – Казань, 2012. – 203 с.
2. Белик А. П. Эстетика и современность. – М., 2007. – 224 с.
3. Бендус Т. И. Воплощение эстетического идеала в художественном образе. – М. : Искусство, 2010.
4. Выготский Л. С. Вопросы детской психологии. – С-Пб., 2007. – 220 с.
5. Запорожец А. В. Актуальные проблемы эстетического воспитания детей // Дошкольное воспитание. – 1997. – № 12.
6. Коменский Я. А., Локк Д., Руссо Ж.-Ж., Песталлоцци И. Г. Педагогическое наследие // сост. В. М. Кларин, А. Н. Джурицкий. – М. : Педагогика, 1989. – 270 с.
7. Паустовский К. Г. Повесть о лесах. – М. : Детская литература, 1992. – 175 с.
8. Психология развивающейся личности / под ред. А. В. Петровского. – М. : Педагогика, 1987.

III. RUSSIAN LITERATURE IN THE CONTEXT OF WORLD CULTURE

О ЖАНРОВОЙ НЕУРЕГУЛИРОВАННОСТИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КЛАССИКИ: «ВЗГЛЯД С ВОСТОКА»

Р. Ф. Бекметов

*Кандидат филологических наук, доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный
университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия*

Summary. In this article we consider the problem of genre peculiarities of Russian classical literature. In the western literary criticism of Russian genre specificity is evaluated very negatively, as a kind of anomaly. In contrast, the eastern point of view of Russian genre modifications are perceived quite calmly and naturally.

Keywords: Russian literature; genre modifications; the nature of Russian words; Eastern context.

По жанровому критерию русская классическая литература чрезвычайно многогранна. Формы жанров, или – лучше сказать – жанровые модификации, в ней нередко носят исключительно авторский, ярко выраженный оригинальный характер. И это дает повод считать, что русская классика (нового времени, прежде всего), тесно связанная с западной художественной и философской традицией, радикально отступает от тех норм, которые сформировались на Западе и приобрели силу четкого и осознанного канона. Более того, распространено мнение, что не только по жанровым, но и по иным, более общим, признакам «на фоне западных литератур русская литература традиционно воспринимается как литература аномальная» [7, с. 7].

Действительно, с западноевропейских литературоведческих позиций «Евгений Онегин» – поэма байронического типа, а вовсе не «роман в стихах». Вспомним, что А. С. Пушкин не отождествлял свое творение с обычным романом; он всячески подчеркивал новизну созданного текста, утверждая (в письме к П. А. Вяземскому), что между его сочинением и просто романом, привычной жанровой конструкцией, – «дьявольская разница». Акцент здесь нужно сделать на первом слове; оно воскрешает в памяти устойчивую, формульную фразу о том, что «дьявол кроется в деталях», т. е. что произведение поэта – лишь по видимости западный роман, а на самом деле он другой, не западный, хотя и генетически сопряженный с европейской литературной формой. В этом отношении логично привести в пример «Капитанскую дочку», которую мы сейчас, исходя из особенно-

стей сюжета (в нем событийный материал располагается по хроникальному принципу), называем повестью. Сам А. С. Пушкин давал несколько иное определение – роман. И автор, в целом, был прав, ибо соотносил «Капитанскую дочку» с жанром английского исторического романа. Ведь что такое «Капитанская дочка», если не своеобразная адаптация В. Скотта на русской почве? (см.: [4]). Однако если английский роман – это растянутая во времени традиция словесно-образного письма, инвариант эстетического миропредставления, то пушкинский роман – его краткая версия, умная и быстрая выборка, грамотная переработка с отсечением ненужных длиннот и стилистических излишеств. А. С. Пушкин, сам того не ведая, творчески отражал национальный феномен «культурного рывка», «ускоренного развития», когда литература в предельно сжатый срок, убыстренно проходит этапы, на которые в других, значительно более спокойных и, если так можно выразиться, умиротворенных обстоятельствах понадобились бы годы, а то и целые столетия.

Далее, хрестоматийные «Мертвые души» по меркам западной теории – типичный плутовской роман, но никак не «поэма». Вряд ли в этом вопросе Н. В. Гоголь подражал А. С. Пушкину, притом, что испытывал зависимость от пушкинского гения, щедро раздаривавшего забавные фабулы из русской жизни (на их детальное воплощение у поэта не хватало ни времени, ни сил), но факт остается фактом: новое жанровое обозначение указывало на важность лирического компонента. «Двойник» Ф. М. Достоевского – мистическая повесть, а не «поэма» или, как еще обозначил автор, «исповедь». Его же «Преступление и наказание» – уголовно-детективная хроника, а не философский, идеологический и, тем более, не полифонический роман, реализующий идею диалогизма. «Война и мир» – роман на историческую и семейную тему, а не «то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось» (по словам Л. Н. Толстого). Удивительна расплывчатость толстовской дефиниции. В отрыве от контекста ее мы вправе применить почти к любому русскому произведению. Характерна и такая иллюстрация, которая встречается в давней статье о творчестве М. М. Пришвина: «Произведения М. Пришвина не укладываются в привычные рамки одного жанра... В процессе работы над “Осударевой дорогой” Пришвин называл ее былиной, педагогической поэмой, исторической повестью, исторической сказкой и, наконец, романом-сказкой» [3, с. 13]. Свои лирические миниатюры М. М. Пришвин именовал «коротышками» – выразительно, емко, метафорично и... довольно туманно с рациональной точки зрения. А. С. Солженицын же свои – «крохотками», пренебрегая устоявшимся термином «стихотворение в прозе». У него же «Архипелаг ГУЛАГ» – не документальный роман с нитью биографического рассказа, а «опыт художественного исследования», и «Красное Колесо» – не роман-эпопея, а «повествование в отмеренных сроках» и т. д.

Спрашивается, в какие классифицирующие ячейки их надо внести, к какому жанровому «ведомству» они относятся? Очевидно, что для профессионального западного читателя подобные отклонения кажутся странными и проблематичными. Поначалу эта непохожесть вызывала его искренний интерес, поскольку в формальных элементах он обнаруживал черты, роднящие русскую литературу с западной, и уклонения от основного канона расценивались им как варианты, вполне допустимые, а в некоторых случаях едва ли не обязательные. Но когда несходств становится слишком много и они продолжают нарастать, как снежный ком, то популярность, какой бы громадной она ни была, сменяется усталостью, разочарованием, стойким ощущением того, что русская классика как будто пародирует «европейские конвенции», выворачивает их наизнанку, нарочито ломает, оставляя по себе множество острых и неразрешимых вопросов. Л. Н. Толстой как крупный писатель и тонкий теоретик литературы имел все основания говорить о том, что «история русской литературы со времени Пушкина не только представляет много примеров такого отступления от европейской формы, но не знает даже ни одного примера противного. Начиная от “Мертвых душ” Гоголя и до “Мертвого дома” Достоевского в новом периоде русской литературы нет ни одного художественного прозаического произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось бы в форму романа, поэмы или повести» [5, с. 762].

Русского художника слова, таким образом, не может удовлетворить норма; он ищет и находит возможности ее расширения, коренного разрыва с ней. В этом, вероятно, проявляется тот тип мышления, который сформировался в равнинном пространстве, если считать, что национальный характер опосредованно отражает «вмещающий этнос и кормящий его ландшафт» (Л. Н. Гумилев). Равнина беспредельна, безгранична, в ней господствует вечная открытость, распахнутость «всем ветрам» и, как следствие, отсутствуют налаженные, кристаллизованные, отчеканенные временем формы бытия. В ней каждый человек – хозяин самому себе, «норма-в-себе», что не отменяет чувства коллективной ответственности. Архетип безудержного «всадника» дополняется тут архетипом старательного «пахаря». Учтем также и то, что, начиная с XVIII века, русская литература совмещала множественные и разнородные функции; она, зачастую вынужденно, подчиняла художественность задачам текущей жизни. В этом плане она была рупором как эстетических, так и социально-философских, политико-экономических, этико-правовых идей. Она являла образец большого синтетического стиля, благодаря чему ее до сих пор трудно интерпретировать. В ней соединялся интерес к вечному и преходящему, высокому идеалу и земным формам его осуществления. Одним словом, русская литература воплощала систему национальных констант, включавших и «высшую», «метафизическую» проекцию, и «низшую», «человеческую» составляющую.

Следует, кроме того, принять во внимание одну весьма продуктивную мысль, высказанную Л. Н. Гумилевым. С его точки зрения, народы земли развиваются по определенным темпоритмам. Несмотря на принципиально-типологический схематизм этногенеза как биосферного процесса, сравнивать какой-либо народ с другим по синхронической оси неверно. Правильнее было бы сопоставить народы по диахронической вертикали, соотнося аналогичные разновремененно протекавшие периоды этногенеза между собой. В таком свете обнаружится, что этносы и суперэтнические системы пребывают на разных этапах, или уровнях пассионарного напряжения. Отсюда – западный суперэтнос в том виде, в каком мы его знаем, сложился на пять веков раньше российского. Поэтому «наш возраст, наш уровень пассионарности предполагает совсем иные императивы поведения» [2, с. 364]. Российский суперэтнос не хуже и не лучше западного. Он иной, и эта «инаковость» постоянно и сущностно будет напоминать о себе, в том числе через искусство и литературу как ее часть. Естественно, эстетическая сфера шире этнической хотя бы потому, что красота как понятие, лежащее в основе эстетического, пробивает брешь временного и сиюминутного, оперируя вечностными, универсальными категориями. Вместе с тем искусство вмещает этнический образ; литература же, по сути, остается единственным хранителем национального богатства в языке, его полноценным носителем, и потому не может быть оторванной от процессов этногенеза. Будучи высшей ступенью языка, художественная литература – своего рода лакмусовая бумага, свидетельствующая о том, что и как переживает породивший эту литературу народ.

Для западной критики как рефлектирующей конструкции русская литература «аномальна». А как выглядит русская классика в восточном восприятии? Можно ли утверждать, что для восточного человека она непроницаема?

С Востоком дело обстоит противоположно: в отличие от западного литературоведения, восточное более терпимо к жанровым неопределенностям (не авторским новациям, а именно неопределенностям!). Это не значит, что на Востоке нет твердых жанровых форм; напротив, какую бы восточную литературу мы ни взяли, везде дает о себе знать жанр как выражение литературно-художественной памяти, и не случайно. Восточная литература, в отличие от западной, традиционна; индивидуально-творческий элемент проявляется в ней не как опыт разрушения привычных связей, а как уточнение того, что уже было, не как переход через границу дозволенного, а как углубление смыслов в рамках сложившегося стереотипа, через придание ему новых «бытийных» импульсов. Сохраняя жанр в стабильности, восточный автор способен преодолевать его инерцию, преодолевать, не изменяя, а как будто бы не замечая тех ограничений, которые ему ставят, словно бы вписывая, внося семантические находки в готовую панораму. Для восточного человека русская литература скорее «нормальна», чем «аномальна». Жанровую зыбкость русских классических произведений он

истолкует по-своему, в качестве напряженных поисков, которые ведутся внутри единой традиции. Для него это разные голоса одного хора, прием, фиксирующий преемственность. Ничего сверхъестественного с далеко идущими последствиями в этих нарушениях он не откроет. Синтетизм – одна из базовых особенностей жанрового мышления на Востоке. Потому в восточном тексте могут уместиться, уживаться, соседствуя, различные виды художественной речи (и проза, и стих – как в джатаках, излагающих историю Будды в его перерождениях, до обретения последней и окончательной истины). Происходит это оттого, что для восточного мировоззрения первичен духовный субстрат человеческой личности. Восточная картина мира глубоко спиритуалистична. Ради душевного начала можно преобратить чеканность поверхностной оболочки.

Проведем короткий эксперимент, задавшись вопросом, как в «чистом» виде, потенциально могли бы оценить роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866) читатели западной и восточной культур? Речь, подчеркнем, идет не о реальных людях с их привычками, уровнем образования и социальным статусом, а об идеальном состоянии чтения, отражающем «неизменные величины» культуры как системы.

Для западного читателя этот текст будет интересен сюжетом, разработкой психологического характера, содержанием тех разговоров, которые направлены на разоблачение преступника. На Западе это и уголовная хроника, и добротное методическое пособие по криминалистике и психопатологии – сочинение, располагающееся между изящной литературой и практической наукой. Конечно, Ф. М. Достоевский отличал уголовного убийцу от идеологического. Но для просвещенного западного читателя такое обстоятельство лишь осложняет роман, придает ему лоск «русскости», той экзотики, которая на фоне знакомых жанровых стратегий делает произведение писателя из России увлекательным (ср. одновременно и ноты осуждения, направленные в адрес Ф. М. Достоевского: «...имеет ли право художественная литература заниматься болезненными исключениями?», – вопрошал французский критик XIX века Э. М. де Вогиюэ, имея в виду экзальтированных героев писателя).

Восточный читатель увидит роман «двухэтажным». На «нижнем этаже» он зафиксирует повседневность, дурную суету дня, материальную «сансару». Зато на «верхнем этаже» ему раскроется жестокая и трагическая страсть, разнузданный огонь мыслей и чувств. Криминальная сторона романа не покажется ему заманчивой; роман он станет воспринимать как аллегорию, морализаторство, проповедь правды и добра. Сработает механизм памяти, полагающей литературу видом нравственного подвижничества. (Ср. для полноты у Ф. М. Достоевского: по возвращении из Сибири он пишет письмо императору Александру II с просьбой разрешить ему, недавнему каторжнику и солдату, поселиться в Петербурге, чтобы поправить подорванное здоровье; А. Труайя в беллетризованной биографии писателя

приводит текст обращения и попутно отмечает, что «европейцу подобное письмо показалось бы раболепным» [6, с. 177]; для Ф. М. Достоевского оно было «естественным выражением его доверия царю» [6, с. 177], а для восточных деспотических режимов такие письма были правилом, с той только разницей, что не всегда они подразумевали искренность адресанта, ибо составлялись по принятым шаблонам; чтобы в этом убедиться, достаточно прочесть следующую фразу Ф. М. Достоевского: «Вы, государь, как солнце, которое светит на праведных и неправедных»; так возвышенно, с образом солнца, упоминая тех, кто на правильном пути и тех, кто отступил от истины, могли сравнить султана или эмира на мусульманском Востоке).

Мы видим, что модель мира детерминируется культурным кодом и он накладывает свою печать на акты чтения и интерпретации.

Схожим способом можно прочесть роман И. А. Гончарова «Обломов» (1859). По западным понятиям это социально-психологический роман, роман-монография, в котором все идейные и тематические нити ведут к образу главного героя, а сам он истолкован в единстве личности и среды. Казалось бы, роман исследует внутреннюю природу человека, выпавшего из мира патриархально-усадебной жизни и не вписавшегося в мир столичных отношений. Но вся беда заключается в том, что Обломов как тип неясен западному читателю; он в лучшем случае ускользает от него, в худшем – отрицается, и этот совершенно не понятый слой смыслов вновь обрастает корой экзотической «русскости». Опровергать ее нет нужды. Стоило бы помнить, что И. А. Гончаров через русский тип демонстрировал всеобщую линию развития человечества, и для восточного сознания Обломов не столь чужд. На Востоке он был бы «своим». Гончаровский роман там стал бы роскошным «диваном», в котором поется гимн собранной неподвижности мудреца, прозревшего сущность мироздания. Обломов – философ «блаженного покоя», и в таком аспекте он близок персидскому дервишу, даосскому поэту и буддийскому монаху.

Точно так же образ князя Мышкина из «Идиота» (1868) на Западе и Востоке поймут различно. На Западе он – персонаж социального и психологического плана, «идиот», страдает душевным расстройством, и, по воле автора, сверхчеловеческие чувства бурно кипят в его немощном теле. На Востоке же он – почти святой, тот, чья жизнь включена в суфийские истории и предания. Он не аскет, живет, подобно суфийским шейхам, в миру и освещает его (см.: [1]). Любопытно то, что, согласно суфийским доктринам, всякую ситуацию в жизни надлежит рассматривать как «учебную». Это означает, что благородному дервишу не противопоказано жить бок о бок с самыми развращенными и страшными людьми, «рогожинами» своего общества. Суфий может подвергнуться грубому и циничному влиянию с их стороны. Однако при верном подходе он никогда не утратит безмятежности и жизнестойкости – залогов нравственного самосовершенствования. Через эти, предложенные Всевышним, социальные контакты он способен

уразуметь небеса – такова парадоксальная, нелинейная логика мусульманского отшельничества среди людей. Приблизительно то же, с поправкой на этнические и культурные различия, мы находим в отдельных пассажах даосского вероучения (ср. стихотворение китайского поэта Тао Юаньмина, 365–427 гг. н. э.: «Я поставил свой дом / в самой гуще людских жилищ, / Но минует его / стук повозок и топот коней. / Вы хотите узнать, / отчего это может быть? / В даль умчишься душой, / и земля отойдет сама. / Хризантему сорвал / под восточной оградой в саду, / И мой взор в вышине / Встретил склоны южной горы. / Очертанья горы / так прекрасны в закатный час, / Когда птицы над ней / чередою летят домой! / В этом всем для меня / заключен настоящий смысл. / Я хочу рассказать, / и уже я забыл слова», пер. Л. З. Эйдлина).

Подведем итоги.

1. Русская литературная классика в жанровом и стилевом смысле не всегда определена.

2. Размытость жанровых границ русской классической словесности носит системный характер.

3. Западная теория видит в этой размытости жанровых форм некую удручающую «аномалию» русского художественного мышления.

4. Жанровая нестабильность русской литературы вызвана комплексом причин, среди которых: а) в философско-метафизическом аспекте – опосредованное отражение пространственного, «равнинного» мифомышления, б) в социальном – литература была рупором многочисленных идей, от хозяйственных до мистико-религиозных.

5. Восточное мировоззрение не воспринимает жанровую рыхлость русского образного слова как «странное отклонение».

Библиографический список

1. Бекметов Р. Ф. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: восточный подтекст и творческое сочинение // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7 (61): в 2 частях. – Ч. I. – С. 166–169.
2. Гумилев Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории. – М. : Комсомольская правда, Директ-медиа, 2015. – 368 с.
3. Давшан А. Н. Жанровое своеобразие творчества М. Пришвина // По страницам литературы : сб. науч. трудов № 571. – Ташкент : Изд-во ТашГУ, 1978. – С. 13–22.
4. Долинин А. Вальтер-скоттовский историзм и «Капитанская дочка» // Долинин А. Пушкин и Англия: цикл статей. – М. : Новое литературное обозрение, 2007. – С. 237–258.
5. Толстой Л. Н. Война и мир: в 4 томах. – Т. III–IV. – М. : ГИХЛ, 1953. – 783 с.
6. Труайя А. Федор Достоевский / пер. с франц. Н. Т. Унанянц. – СПб. : Амфора, 2015. – 383 с.
7. Щербенек А. Деконструкция и классическая русская литература: от риторики текста к риторике истории. – М. : Новое литературное обозрение, 2005. – 232 с.

IV. RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL ISSUES AND AESTHETIC SEARCH OF RUSSIAN LITERATURE

БИБЛЕИЗМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ

Е. Ю. Перова

*Кандидат культурологии, доцент,
Московский государственный
лингвистический университет,
г. Москва, Россия*

Summary. The article is devoted to the identification and analysis of various aspects of research in the field of language. Existence in the modern Russian language biblicisms is the subject of a multidimensional study. The revival of the religious component of the national culture is possible by referring to the sacred vocabulary.

Keywords: Biblicisms; religious perception of the world; Russian culture; "doubleworlds".

Можно говорить о литературоцентричности отечественной культуры, т. е. модели, при которой центральное место занимает литература. Именно словесное начало традиционно формировало картину мира: стремление к «всеотзывчивости» и образности, акцент на нравственных началах, пространство, объединяющее науку и веру; если литература европейская существовала несколько отдельно от европейской философии, то русская литература во многом представляет собой воплощение отечественной философской мысли. Поэтому исследуя изменения в культуре, самосознании народа, следует, в первую очередь, рассматривать пространство языка.

Исследователи полагают, что в наибольшей мере особенности национального характера и менталитета отражены в языке, важном этногенном факторе, фиксирующем национально-специфическое видение мира. Для отечественной культуры в этом отношении имеет значение религиозное мировосприятие. Из-за обширного проникновения библейских выражений и стилистики в русскую речь, можно говорить о «библейской стихии русского языка» (Е. М. Верещагин).

Жизнь языка регулируется многими факторами, в том числе и экстралингвистическими. В современном научном мире исследуется в различных ракурсах лексико-семантический уровень языка. Анализируется возможность «тщательного изучения религиозного дискурса и его лексикографической фиксации», описывается сочетаемость лексических единиц, их метафорический потенциал и связь с религиозным сознанием [2, с. 205].

Нарушенная преемственность в пространстве языка в послереволюционные годы определила раскол, двоемирие внутри одной языковой кар-

тины мира народа [см. 3]. В настоящее время пространство церковнославянского языка, понимаемого широко, куда включены библеизмы, рассматриваемый как язык сакрального пространства, требует пояснений для носителей данной культуры, это семантическое поле как бы включилось в сферу прецедентных текстов иной культуры и требует комментариев. Использование библеизмов в советской прессе рассматривает академик РАН М. Д. Аксенова [1, с. 155–158].

События конца XX – начала XXI века оказали существенное влияние на речь граждан СССР, а затем и РФ. Отход от атеистической идеологии, возврат к забытым христианским ценностям закономерно повлиял на активизацию употребления библеизмов в живой речи. Сферой наиболее широкого использования этих фразеологизмов в настоящее время стала публицистика. Ветхозаветные и новозаветные выражения ежедневно можно встретить на страницах газет и журналов, в передачах радио и телевидения.

Однако нарастающая частотность употребления библеизмов может свидетельствовать об утрате определенной благоговейной дистанции по отношению к сакральному началу. В этом отношении показательно, что библейские выражения в постсоветский период особенно активно используются в газетной речи, особенно в заголовках.

В современном мире развивается тенденция к тому, что люди, используя те или иные фразеологические обороты, не осознают их причастность к Библии, и, следовательно, часто неправильно интерпретируют высказывания. Что ведет к искажению исконного смысла и приобретению библеизмами новых значений, интегрировавшихся в современный русский язык.

Вместе с тем, пространство сакральной лексики в христианской культуре, конечно, не ограничивается исключительно библеизмами. Так, к базовым компонентам религиозного сознания может относиться понятие «хлеб» и т. д. Важно отметить, что посредством единиц сакральной лексики сохранялась соотнесенность с религиозной традицией; подобно небывальным знаковым единицам, символам раннехристианского периода, в советский период библеизмы оставались ориентирами, указателями на традиционный религиозный тип культуры, служили «транспортом традиции» (Т. Элиот).

Лексические единицы библейских текстов могут быть использованы на всех стилевых уровнях речи, в художественных, публицистических, разговорных жанрах. Вместе с тем, важна их семантическая универсальность. В своих лучших проявлениях искусство стремится не только к эстетическому или нравственному воздействию, но и к возведению человека к иной, невидимой, реальности. Это воздействие осуществляется и через лексический строй текста. Церковная словесность, библейский пласт лексики оказывают большое влияние на формирование художественной литературы и мировосприятия в целом.

Библиографический список

1. Аксенова М. Д. Знаем ли мы русский язык? История происхождения слов увлекательнее любого романа и таинственнее любого детектива! – М., 2013.
2. Гончарова Н. А. Религиозная картина мира и ее отражение в лексикографии (на примере концепта «Еда») // Вестник МГЛУ. Выпуск 21 (707). – М., 2014.
3. Перова Е. Ю. Двоемирие русской культуры: аспекты светского и религиозного мировосприятия. – М., 2012.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2016–2017 ГОДАХ**

Дата	Название
1–2 декабря 2016 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2016 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2016 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук
15–16 января 2017 г.	Информатизация общества: социально-экономические, социокультурные и международные аспекты
17–18 января 2017 г.	Развитие творческого потенциала личности и общества
20–21 января 2017 г.	Литература и искусство нового века: процесс трансформации и преемственность традиций
25–26 января 2017 г.	Региональные социогуманитарные исследования: история и современность
5–6 февраля 2017 г.	Актуальные социально-экономические проблемы развития трудовых отношений
10–11 февраля 2017 г.	Педагогические, психологические и социологические вопросы профессионализации личности
15–16 февраля 2017 г.	Психология XXI века: теория, практика, перспективы
16–17 февраля 2017 г.	Общество, культура, личность в современном мире
20–21 февраля 2017 г.	Инновации и современные педагогические технологии в системе образования
25–26 февраля 2017 г.	Экологическое образование и экологическая культура населения
1–2 марта 2017 г.	Национальные культуры в социальном пространстве и времени
3–4 марта 2017	Современные философские парадигмы: взаимодействие традиций и инновационные подходы
5–6 марта 2017 г.	Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях
13–14 марта 2017 г.	Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты
15–16 марта 2017 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
20–21 марта 2017 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2017 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
29–30 марта 2017 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2017 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
7–8 апреля 2017 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира
10–11 апреля 2017 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2017 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
20–21 апреля 2017 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2017 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2017 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2017 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2017 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
5–6 мая 2017 г.	Теория и практика гендерных исследований в мировой науке
7–8 мая 2017 г.	Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления
10–11 мая 2017 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире

13–14 мая 2017 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2017 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2017 г.	Текст. Произведение. Читатель
25–26 мая 2017 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2017 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2017 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2017 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2017 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2017 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2017 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2017 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2017 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2017 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2017 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2017 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2017 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2017 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2017 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2017 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2017 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2017 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2017 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2017 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2017 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2017 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2017 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2017 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2017 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2017 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2017 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2017 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Наукометрические базы	Импакт-фактор за 2015 г.
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor, • Infobase Index (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,041, • Scientific Indexing Services – 1,09, • General Impact Factor – 2,1825, • Scientific Journal Impact Factor – 4,22, • Research Bible – 0,781, • Infobase Index – 2,06, • РИНЦ – 0,119
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • General Impact Factor за 2015 г. – 1,5947, • Scientific Journal Impact Factor за 2015 г. – 4,061.
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай) 	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай) 	
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай) 	
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай) 	
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия) • Research Bible (Китай) 	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Other options will be considered on an individual basis. For questions and requests you can contact us by e-mail sociosphere@yandex.ru.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Belgorod State University
Belarusian State Pedagogical University named after Maksim Tank

CLASSICAL AND CONTEMPORARY LITERATURE: CONTINUITY AND PROSPECTS OF UPDATING

Materials of the international scientific conference
on November 7–8, 2016

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Do sazby 21.11.2016
Formát 60x84/16
Papír bílý standardní
Počet tiskových archů 3,6.
Tiráž 100 ks

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz